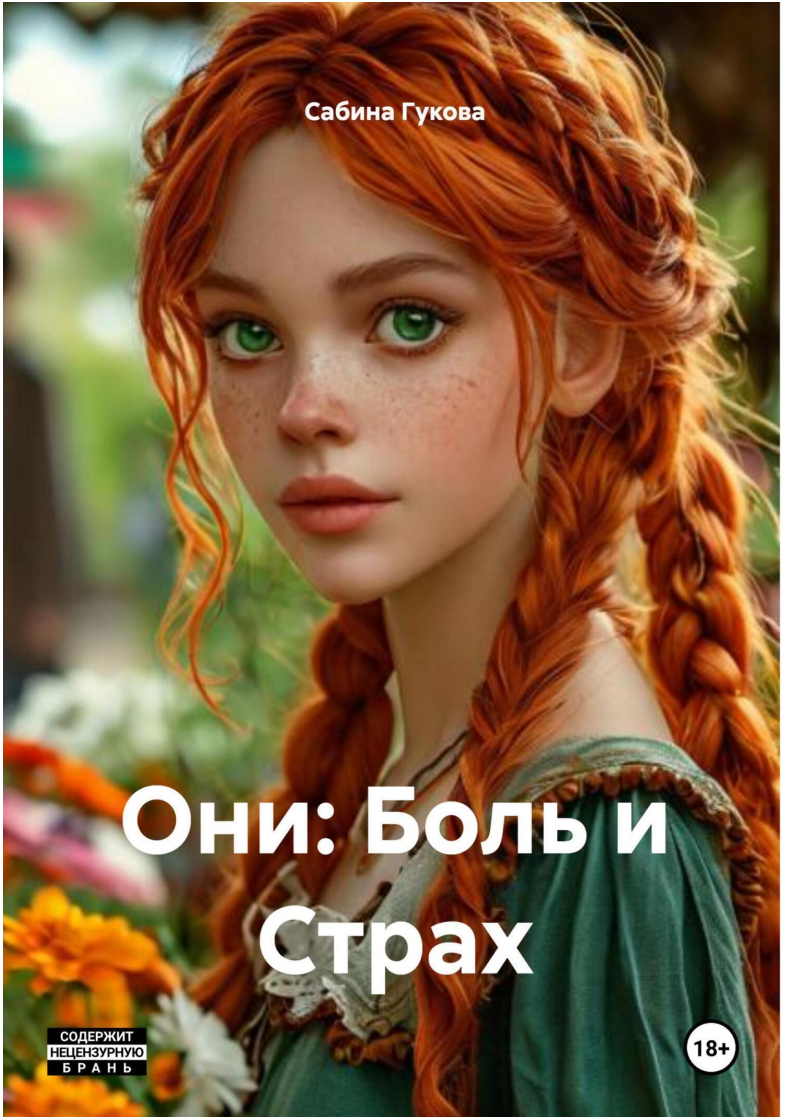

Сабина Гукова
Они: Боль и Страх
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сабина Вячеславовна Гукова

Они: Боль и Страх

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72301126
SelfPub; 2025

Аннотация

Василиса жила обычной жизнью, работала, встречалась с Нэйтоном. Помогала бабушке в её цветочном магазине и воспитывала двух сестёр близнецов Светлу и Миру. Но в один день всё изменилось: Незнакомец, пришедший утром, что бы купить цветы, изменил привычный уклад жизни. Теперь Василисе придется столкнуться с силой, которая будоражит её дух и с Пассажем, тайны которого скрыты у всех наведу.

Сабина Гукова
Они: Боль и Страх

Начало август 2024 – окончание июль 2025

Глава 1.

Лиса

Прозвенел будильник, мне не хотелось вставать, но солнце так упрямо било в мое лицо, что я поняла, что пора. Открыв глаза, я осмотрела свою небольшую комнату: на стуле, который стоял у окна, лежали мои грязные штаны и толстовка, так же аккуратно, что бы ничего не запачкать, стояли мои кроссовки. Да уж, вчера, когда ночью я залезала через окно ,что бы не разбудить бабушку и сестер, после очередных ночных вылазок, они казались мне куда более чистыми чем сегодня при ярком свете утреннего солнышка.

На столе была разброшены цветные маркеры и карандаши, а так же листы с набросками. Я всегда мечтала рисовать и рисовала сколько помню себя, все началось с цветочков и деревьев, а к 10 годам я с удовольствием рисовала красивые здания и портреты моих родителей. Они всегда поддерживали меня в моих начинаниях, покупали красивые холсты, бумагу, разные краски и карандаши. Когда они пропали, я рисовала их портреты и расклеивала по всему городу,

в надежде, что кто -то обязательно видел их и отзовется, но этого не произошло.

Я хотела уметь профессионально рисовать, собиралась поступать, но к сожалению, в связи с жизненными событиями, не удалось осуществиться.

В нежных объятиях весны, когда зелень распускается под ласковыми лучами солнца и я закончила последний школьный день, я осознала истинное призвание своей жизни. Образование, пусть и важное, уступило место глубокому пониманию – нужде быть рядом с бабушкой. Эта мудрая женщина, королева цветов и волшебница природы, никогда не просила меня о помощи. Но, как ни странно, стоило мне увидеть ее старую цветочную лавку, как сердце наполнилось теплом.

Ее руки, как филигранные художники, творили магию: каждый ранункулюс, нежно обнимающий эвкалипт, становился частью удивительного букета. Эвкалиптовая свежесть и утонченная красота ранункулюсов создавали гармонию, которую восхищенные взгляды прохожих уносили с собой и даже те, кто не планировал покупать цветы, иногда захаживал к нам, видя в окнах красивые композиции. Их так и манили интересные сочетания и они не замечали как шагают домой с букетом или понравившейся веткой. А девочки, Светла и Мира, мои сестренки близняшки с улыбками, словно маленькие феи, выбирали простые, но такие искренние ромашки, чтобы запечатлеть мгновения радости.

Каждое утро я с трепетом заходила в бабушкины оранжереи, где даже зимой, когда улицы были покрыты пуховым одеялом снега, жизнь кипела. Тепло и аромат цветов ласкали меня. Бабушка с легкостью и утонченной грацией ухаживала за растениями, и я поражалась, как они, опьянев от ее любви, никогда не знали, что значит умирать.

Работа в цветах стала частью моей души, светом, освещающим каждый день. Мы вместе с бабушкой постигали азы флористики, и я впитывала ее безграничное мастерство, но так мастерски как у неё никогда не получалось. В нашем небольшом домике на первом этаже располагалась лавка, а за ней скрывалась теплая оранжерея, где наш светлый коридор приводил к чудесам.

Каждый гость мог не только выбрать цветы, но и составить уникальный букет, погрузившись в атмосферу романтики. На плетеном столике всегда оставались места для желающих разделить с бабушкой ее бесценный опыт, слушая захватывающие истории о цветах, которые она щедро делила, но никогда не упоминала о себе. Даже нам с сестрами, бабушка ничего не рассказывала о себе.

Так каждый день я вновь и вновь открывала для себя магию цветов, осознавая, что эта связь, эта удивительная работа – не просто призвание, а настоящее предназначение. Как будто сама жизнь подсказывала мне, что в каждом лепестке спрятаны мечты, а в каждом букете – вечная любовь бабушки, которая дарит свет и радость всем, кто соприкасается с

ее искусством.

Каждый день, проведенный с бабушкой, словно погружение в волшебный мир, наполненный ароматами цветов и ласковым шепотом природы. Она – наша солнечная звезда, всегда яркая и лучезарная, словно весенний цветок, который распускается самым первым. С ее улыбкой даже серые будни становятся разноцветными.

Ее карие глаза, как уютные загадочные озера, способны выражать целую палитру эмоций. Когда бабушка сжимала губы, а глаза темнели, в них появлялись глубокие тени недовольства. Этот взгляд, как грозовая туча перед бурей, я запомнила навсегда. В тот миг я без слов поняла, что он не требует объяснений. Это было как какое-то таинственное заклинание, которое однажды меня настигло, и потом я с легкостью обучила этому искусству чтения и своих сестер.

После такого взгляда, желание делать что-то не так словно улетучивалось, и мы мгновенно превращались в хозяйственных фей. Боясь оставить у бабушки в сердце следы огорчения, мы упархивали на кухню, как птички, готовя ей ароматный чай. Укрыв ее в плетенном кресле мягким пледом, мы просили рассказать снова и снова те сказочные истории о волшебных цветах, которые она выращивала и лелеяла. И, как только ее лицо снова озарялось улыбкой, все наши промахи забывались под светом ее любви.

На первом этаже нашей цветочной обители, кроме уютной комнаты для посетителей, пряталась кухня, где мы снова и

снова устраивали кулинарные эксперименты, и три спальни, полные воспоминаний и теплых моментов. Я жила отдельно на верхнем этаже, среди покоя и тишины, хотя на этом этаже оставались и другие спальные уголки, словно заброшенные места, оставшиеся в ожидании новой жизни. Скорее всего там располагалась комната папы и мамы, но мы не спрашивали и никогда не заходили туда. Иногда, когда бабушка думала, что все спят, она очень тихо, словно кошка поднималась на второй этаж и открывала скрипучую дверь. Я подглядывала за ней в шёлку своей двери, как она растворялась в темноте комнаты и плотно прикрывала за собой дверь. Отчаянные звуки тихого и горестного плача доносились до меня и моё сердце сжималось. Мы скучали по родителям и бабушка тосковала по своей дочери. Под утра она выходила из комнаты и даже намека на её глубокую печаль, мы никогда не видели на её лице.

В каждом мгновении с бабушкой, в каждом взгляде и каждом улыбке я чувствовала, что она – не просто человек, а настоящее волшебное существо, дарующее нам вдохновение и любовь к жизни, как цветы, росшие под ее заботливым взором. А ее примеры того, как можно изменять мир вокруг себя, наполняют мою юную душу, как весенние дожди поливают землю, пробуждая ее к новому расцвету.

Вспоминания окутали меня когда вдруг резонирующий шум с первого этажа разорвал тишину раннего утра. Поначалу он был почти неуловим – но потом снова послышался

легки стук и я почувствовала, как внутри меня разливается волнующее беспокойство. Я откинула одеяло, которое казалось слишком теплым для этого таинственного часа, и направилась к маленькому балкону, чтобы ухватить хрупкую красоту рассвета.

Свет солнца, пробиваясь сквозь облака, тонкой нитью кутал мир в нежные оттенки персикового и розового, а река, словно живой акварельный холст, блестела искрами. Я казалось, могла бы прыгнуть с балкона и за пару секунд преодолеть расстояние до реки ощутить прохладу. Но в этом великолепном моменте мои мысли вдруг прервалось, когда взгляд мой упал вниз – прямо на улицу.

Там, среди утреннего тумана, стоял человек. Его глаза, как два глубоких озера, отражали утренний свет, и в них читалось нечто странное и загадочное. Сердце у меня застыло, словно время замерло в ожидании. Я не могла поверить своим глазам. В такое раннее утро, когда мир только начинает пробуждаться, моя душа не могла представить, что кто-то вообще решится предстать перед домом. Это было нечто большее, чем просто удивление – это было тревожное чувство, полное ожидания и странного волнения.

Пока я пыталась разобраться в своих чувствах, в необъяснимом страхе и притяжении, он продолжал смотреть на меня. В глазах этого незнакомца проскальзывали тени замешательства и интереса.

Смятение заполнило меня, и я поняла, что это утро получит другое значение. Странный незнакомец в тумане будто принадлежал не этому времени.

–Прошу прощения, что столь рано вас потревожил, но мне срочно нужно сделать заказ.– Сказал он приятным мягким голосом. Одет он был просто джинсы и футболка, черные длинные волосы были аккуратно уложены назад. А глаза с отблеском крепко заваренного чая погружали меня в какую – то опьяняющую тишину

–Мне потребуется пару минут, что бы к Вам спуститься, прощу вас подождать.– Отозвалась я и после его кивка, забегаю обратно в комнату, натягиваю чистые шорты и майку и спускаюсь. На первом этаже тишина, все еще спят.-Проходите- говорю я , открывая дверь.– Прощу прощения, что так долго.

–Ничего, я думал, что вы еще спите в 6 утра, но все же решил рискнуть.-Он виновато улыбается и что -то такое манящее в его взгляде и улыбки я улавливаю, но быстро перестаю об этом думать.

–Проходите за мной, – произнесла я, и к моей спине, тихо подступили мурашки. Они скользнули по коже, как легкие порывы ветра, вызывая невыносимое хождение по всему телу, от которого разом стало холодно и жарко одновременно. Легкий мандраж, такой тревожный, сплетался с каким – то странным чувством, заставляя мою голову кружиться, как листву во время внезапного осеннего ветра.

Словно сквозь завесу тумана, я пыталась уловить смысл происходящего, но внезапная волна паники захлестнула меня, и воздух стал тяжелее. Кажется, в груди вдруг не осталось места для кислорода. Я пыталась вдохнуть, но лишь все глубже погружалась в тьму. Безмолвное пространство вокруг меня гудело, как старый, испорченный механизм, и внезапно я уже сползала по стене, как мокрый лист, срывающийся с дерева.

В этот момент чьи-то руки подхватили мою голову и нежно проводили меня до безпамятсва. Я не знала, сколько времени провела в этом беспредельном забвении, словно сквозь тонкий лед, но пробужденные тихие звуки и лёгкий свет вывели меня из объятий тьмы.

Когда же мои глаза наконец открылись, вокруг меня была тишина. Я оказалась на уютном плетеном диванчике, где под головой была заботливо уложена мягкая подушка. Теплый, обнимающий плед укутывал меня. Светло-золотистые лучи солнца танцевали сквозь листья, и мир наполнялся тихим очарованием, смягчая неровный ритм моего сердцебиения.

–Как вы себя чувствуете?-Слышу я голос совсем рядом, но мои глаза не могут сфокусироваться из -за яркого солнца, от этого я начинаю щуриться.

–Все в порядке.– сфокусироваться не получается и я сдаюсь.

–У вас так часто бывает?– Спрашивает меня он, очень спокойным и заботливым тоном.

–Первый раз.-Честно отвечаю я. Я сама еще не понимаю, почему так произошло, хотя есть догадки, что спать 2-3 часа это не очень хорошо, но другого времени, что бы делать то что хочется совсем не остается. И будто бы прочитав мои мысли, он говорит

–Возможно вам нужно больше спать. – Сказал он и положил свою руку на мою. От неожиданности, я вздрагиваю, и чувствую как теплые иголочки от его прикосновения идут по всему телу и мне становится намного лучше.

–Доброе утро.– в дверях появилась бабушка и обеспокоенно смотрела на меня и на нашего клиента.

–Доброе утро.– Говорит молодой человек.– Я бы хотел сделать заказ, прошу прощения, что так рано вас побеспокоил. Меня зовут Дэракар.-Бабушка игнорирует его приветствие и смотрит на меня. Ее взгляд становится «тем самым» и я не понимаю почему она злится. Может быть, она слышала как я вернулась поздно ночью.

–Василиса-Произносит бабушка- Что с тобой?-Я не знала как правильно описать то, что со мной произошло, начать ли говорить о своих ощущениях или же не стоит этого делать при нашем клиенты. Но не успеваю я опомнится, как за меня начинает говорить Дэракар.

–Она потеряла сознание, я отнес ее на воздух и хотел найти кого -нибудь еще в доме, но – он немного замешкался перед тем как назвать мое имя-но.. Василиса уже пришла в себя.

–Можно просто Лиса-Добавляю я. Выражение лица бабушки не меняется, она продолжает злиться.

–Василиса, тебе уже лучше, могла бы ты сделать для нас чай.– Я послушно киваю и медленно встаю. Мой взгляд все так же прикован к лицу бабушке.

Что же ее так сильно рассердило?

Зайдя на кухню, я погрузилась в уютную атмосферу.. На полке, словно хранители семейных традиций, стояли деревянные баночки, каждая из которых хранила в себе неповторимый запах. Я бережно выбираю несколько, а затем, словно алхимик, открываю банки с драгоценными зелеными листьями: мята, чабрец и ромашка. Эти травы, собранные бабушкой с любовью, хранят в себе ароматные воспоминания, которые уносят меня в мир спокойствия и уюта.

Сложив в чайничек свою душевную смесь, я добавляю щедрую ложку мёда, его золотистые капли искрятся на свету, обещая сладость и тепло. Я заливаю эту волшебную смесь кипятком, и как только чайник наполняется, в воздухе начинает кружиться божественный аромат – он растягивается длинным шлейфом и заполняет с собой каждый сантиметр пространства.

На поднос, я ставлю две изысканные пиалы и печенье, хранящее тепло бабушкиной заботы. Я не могу удержаться и, взяв одно печенье в руки, чувствую, как оно еще слегка теплое – немой свидетель ночного труда бабушки. Мои мысли останавливаются, и я понимаю, что она точно слышала, ко-

гда я вернулась, с привычным шорохом залезая на балкон.

Страх не завладевает мной, ведь я знаю, что бабушка не станет меня отчитывать. Мне уже 25, и она это понимает. Однако, в сердце мгновенно зреет нежное желание: не хочу, чтобы она волновалась за меня, не хочу, чтобы её светлая душа грустила. Я медленно, наслаждаюсь съедаю печенье и со всем этой палитрой ароматов и мыслей несу поднос во внутренний дворик.

Бабушка и наш гость сидели за столом, был открыт бабушкин рабочий блокнот лавандового цвета и она что -то записывала. «То самое » выражение ее лица исчезло и казалось, что его и вообще не было. А наш заказчик показывал на кусты цветов и хвалил какие они пушистые и красивые. Бабушка лишь мило улыбалась и кивала изредка произнося благодарю, что -то старательное записывала. Конечно же это был заказ и я не сколько в этом не сомневалась, но мне показалось очень странным такое резкое изменение градуса общения моей бабушки с этим человеком.

–Куда нужно будет оформить доставку?-Спрашивает бабушка

–Доставка не нужна, я сам заберу цветы.-Мягким и приятным голосом отвечает Дэракар. Он был красив, но не производил впечатление высокомерного человека. Не стрелял глазами, не пытался вести себя вызывающе, глупо не улыбался, не делал излишних комплиментов. Он пришел за цветами, очень вежливо сделал, видимо, очень большой заказ и так

же спокойно уйдет.

–Чай и печенье.-Говорю я, ставя поднос аккуратно на стол, что бы не помешать бабушке записать все что нужно - Надеюсь, вы любите травяной чай.– С улыбкой произношу я и поднимаю глаза на нашего гостя.

Его глубокие карие глаза, подобные бездонным озерам, пленили меня. Каждое мгновение, когда я смотрела на него, мир вокруг бледнел и терял свои краски, уступая место яркой симфонии эмоций. Внутри меня вспыхивала неистовая жара, словно печь разгорелась до предела, выпуская волнение, которое обжигало мою душу. Но вот вдруг налетевшая из неоткуда волна охладила меня ледяным штормом – меня охватывало чувство легкого дрожания, словно я погрузилась в холодный водопад, и его каскадная вода срывалась с высоты, пронизывая до самых костей.

Я не могла отвести взгляда; его глаза, как невидимые магниты, притягивали, унося куда – то. В этот момент мир вокруг меня расплывался, и перед взором возникали причудливые изображения: затейливые узоры лепнины, изящно склонившиеся под весом армий виноградных лоз. Я словно гуляла по роскошным залам древнего дворца, где каждый элемент – от массивных резных лестниц до мерцающих светильников – дышал историей, раскрывшей свои тайны только для меня. Образы переплетались, затягивая меня в паутину загадок, и я ощущала, как эта парадоксальная игра чувств превращает меня в пленницу собственных эмоций. Это бы-

ло непередаваемое, смутное волнение – я была здесь и в то же время где-то там, на грани реальности и воображения, потрясенная, как никогда прежде.

-Василиса..-Мягко говорит Дэракар и я снова оказываюсь в саду, все странные ощущения прошли.

–Лиса-Произношу я с улыбкой.– Прошу прощения, я не выспалась.– На лице бабушки снова возникает «то самое» выражение и быстро пропадает, но я успеваю его уловить. А это значит, что она все знает.

Я наливаю чай и быстро ухожу к себе в комнату и ложусь на кровать. Моё тело приятно покалывает изнутри, присутствует небольшой мандраж в теле. Перед сменой мне необходимо еще немного поспать или я усну прям за барной стойкой, готовя коктейли для клиентов. Работа в цветочной лавки приносила деньги, но я решила, что должна помогать ещё и устроилась в бар. Мне там нравится, общение с людьми, какие – то знакомства, музыка придавало мне ярких эмоций.

Девочки еще спят, на часах почти семь утра, на работу в городской паб сегодня мне в ночную смену, а это означает, что я всячески буду помогать бабушки и отвлекать её от разговора, где же я была ночью.

Я слышу, как на первом этаже бабушка прощается с нашим клиентом и дверь тихо закрывается. Не знаю, что на меня нашло, но я спрыгиваю с кровати и вылетаю на балкон, моё сердце быстро прыгает у меня в груди.

Да, что же это такое?

Дэракар вышел и на секунду остановился, потом положил руки в карманы джинс и пошел к каменному мосту с права от нашего дома, через реку Боолак. Со второго этажа я прекрасно вижу его и на мосту тоже. Фонтаны которые совсем не давно установили в реке, били так сильно, что при определенном направление ветра, легкие брызги долетали прям до моего балкона. Я вцепилась в каменные перила и нагнулась что бы как можно дольше наблюдать за ним. Как будто бы почувствовав мой взгляд, наш клиент остановился на середине полукруглого моста и повернувшись наткнулся прям на мой взгялд. Я замерла и неожиданно мне стало так стыдно за свое утреннее поведение, за то, что я и сейчас так нагло на него пялюсь.

Он поднял руку и слегка помахал мне, я отпрянула назад и тоже вскинула руку, после чего он ушел. А я так и осталась на балконе прижавшись к двери и слушала удары своего сердца. Мне кажется, я замерла как статуя и не моргая смотрела куда -то в даль, но сзади меня послышался кашель и я резко обернулась.

В двери стояла бабушка, с тем же подносом, который я подготовила для них. В ее глазах бегали какие-то странные искорки, в первые за всю свою сознательную жизнь, я не понимала ее настроения , не понимала о чем она думает. Я открыла дверь на балкон и она медленно вышла, мы сели на две маленькие деревянные табуретки и перехватив у бабуш-

ки поднос, я поставила его на маленький круглый плетенный столик, который был не больше табуретки.

–Я долила горячей воды-Разорвала бабушку неловкую тишину, возникшую между нами.

–Спасибо – Сказала я.

–Ты сможешь помочь мне сегодня? У нас очень большой заказ.– Бабушка налила себе и мне чай, я взяла кружку.

–Да, мне сегодня в ночную смену.-Я пыталась вести себя непринужденно, так как будто бы это самое обычное утро.

–Будем собирать белые розы.-Бабушка отпила чай и смотрела куда-то вдаль, оно вроде бы была спокойна. Я наконец-то расслабилась и эти странные ощущения окончательно ушли, мне даже стало будто бы легче дышать. Больше никто из нас не произнес ни слова. Допив чай, бабушка резко встала, взяла поднос и только выйдя из моей комнаты остановилась и с лукавой улыбкой повернулась ко мне, сказала- Мне кажется тебе нужно поспать, а то две бессонные ночи трудно пережить и в следующий раз заходи через дверь.– Улыбка все так же озаряла ее лицо, она не злилась и не была расстроена.

–Я тебя поняла.– Тоже широко улыбнувшись ответила я.

Глава 2
Лиса

– Светла, Мира, – тихо произнесла я, словно старалась не нарушить волшебство этого момента, когда я ступила

на порог комнаты, где мир существовал в своем изначальном, невидимом виде. В этом пространстве царила безмятежность, словно время остановилось, а все тревоги остались за дверью. Тут, в свете яркого солнца, две девочки, неразлучные близнецы, сладко спали, словно две звезды, привязанные невидимой нитью к небесам.

Их связь была удивительна – она не просто объединяла их судьбы, но и давала возможность чувствовать друг друга на уровне, о котором большинство людей даже не догадывалось. Будто они были частью одной души, разделённой на две половины. Я порой удивлялась, как одна могла близко ощутить физическую боль другой, как будто все радости и горести их жизни переплетались в один прочный узел.

Светла, с волосами цвета свежевыпавшего снега, казалась олицетворением зимнего утра – нежной и невесомой, она излучала свет и тепло, её небесные глаза смотрели на этот мир с крайней нежностью. В то время как Мира, с её локонами, тёмными, как воронье крыло, приносила с собой таинственность ночи, а темные глаза всегда светились огоньком озорства. Если бы они надели парики одинакового цвета, их невозможно было бы различить – они были как две половинки одного целого, образующие волшебный дуэт.

Девочки мирно спали, повернувшись лицом друг к другу, и в этой тихой конфигурации отражалась их вечная связь. Их лица были спокойны, словно они перешли в мир грёз,

где шепотом расцветают цветы снов и летят навстречу новым приключениям, оставаясь при этом неразлучными. В этой комнате, наполненной легким дыханием ночи, хранилось их маленькое небесное царство, где ни один громкий звук не мог нарушить гармонии, сотканной из детской нежности.

– Девочки, уже двенадцать часов дня! Пора вставать! У бабушки огромный заказ, и нам нужно ей помочь, – произнесла я, и звук этих слов разбудил тишину утреннего покоя.

Как по волшебству, две пары глаз одновременно распахнулись, и в них вспыхнули огоньки любопытства. Словно слаженный дуэт, они сели на кровати, смехом и нежностью заполнив атмосферу.

Светла и Мира, две непохожие друг на друга звезды, отражали в себе всю прелесть контраста. Светлы, с белоснежными волосами, завитками, мило сплетенными, словно облачка на ясном небе, падали до лопаток. Если бы их распрямить, они бы стали куда длиннее, словно невидимые нити, соединяющие её с небесами. В то же время Мира, с роскошными каштановыми локонами, ниспадающими до пояса, казалась королевой грации. Даже ранним утром её волосы располагались в идеальном порядке, как будто она вышла из салона красоты, готовая захватить мир.

Несмотря на внешнюю красоту, они не были ангелами. У каждой из них был свой, неповторимый характер, словно две планеты, вращающиеся в разных орбитах. Светла, с её любовью к порядку, не выносила шумов и хаоса – в её простран-

стве всё должно быть на своих местах, иначе мир уже казался ей перевернутым с ног на голову. На каждый день у неё составлялся список дел с чёткой маркировкой времени – до секунд! Она верила, что лишь выполняя график можно достичь гармонии.

Мира же наоборот: в её комнате царил художественный хаос, и она всегда опаздывала. Спешка и беспорядок её не тревожили; скорее, они наполняли её жизнь яркими огнями. Но эта несостыковка лишь добавляла шарма их отношениям – Светла порой вздыхала, смирившись с опозданиями, а Мира, с улыбкой, время от времени пыталась привести сестру к более легкому подходу.

Вместе они представляли собой удивительное сочетание: как инь и янь, упрямые, но гармонично дополняющие друг друга. В самых простых моментах, мальчишеских ссорах или вечерах, проведенных за смехом, они проявляли силу своего единства. Они оставались опорой друг для друга: Светла терпела беспорядок, а Мира, в ответ, старалась немного сбалансировать свою необузданную натуру.

–Заказ?-Мягко спросила Светла

–Заказ!-Воскликнула Мира

Они словно вихрь радости, грациозно спрыгнули с кровати и, одетые в пижамы, босыми ногами рванули в оранжерею, где жизнь напоминала настоящую сказку. Чистый воздух наполнился сладкими ароматами цветения, словно сама

природа приглашала их в свой волшебный мир.

Бабушка, как искусный художник, аккуратно срезала раункулюс нежного персикового цвета, и я вдруг осознала: эти цветы – не простые создания! Я впервые с любопытством и без спешки оглядела пространство: это была настоящая симфония цветов!

О, какие же они были чудесные! Недалеко от него, как ювелирные драгоценности, ярко сверкали пионы кораллового цвета, их шёлковые лепестки мерцали в солнечных лучах, а рядом каллы, словно хрупкие принцессы, грациозно украшали наш маленький фонтанчик.

Оглядываясь по сторонам, я заметила Ирисы, их изящные изгибы рисовали завораживающие линии, а гортензии, яркие, как дыхание лета, создавали невероятные контрастные акценты. Гиацинты, пестря своими многоцветными головками, разгоняли любые серые мысли. Розы, в самых разнообразных натуральных оттенках, будто стояли на страже этого цветочного царства, а подсолнухи, с их широкой улыбкой, придавали всему этому волшебству солнечный свет.

Каждый сантиметр оранжереи был наполнен буйством красок: фиолетовый, желтый, синий – это были настоящие краски радуги, где даже названия цветов, как волшебные заклинания, ускользали от моего понимания. Сколько бы я их ни учила, они оставались живыми тайнами, которые я все еще не могла разгадать.

–Бабушка-Закричали девочки и обняли ее.

–Доброе утро, котятки мои-Она поцеловала каждую в лоб.– Ну что? Будете помогать бабушке?– Она уже знала ответ, знала, что они с удовольствием помогут, но очень ей хотелось увидеть их восторженные личики, они как и она очень любили цветы. Девочки заверешали и закивали.-Мира собери пожалуйста белые розы, Светла достань 10 больших корзин и подготовь их, не забудь про оазис.

Девочки засуетились, я , облокотившись на дверной косяк, наблюдала за этим творческим хаусом. С моего лица не сходила улыбка, было так хорошо и по- домашнему тепло, когда я смотрела на своих сестер и самую лучшую бабушку. Как сложилась бы наша жизнь, если бы не пропали родители? В каком доме мы бы жили?

Училась ли я сейчас бы?

Какими бы выросли девочки, любили бы они цветы?

Я была в их возрасте , когда родители ушли и не вернулись, мне было пятнадца, но даже будучи не маленькой девочкой , приятные и живые воспоминания о родителях с каждым годом все сильнее стираются из памяти. Я плохо помню их лица, плохо помню их голоса, если бы не фотографии в фотоальбоме, которые бабушка старательно хранила и доставала, только когда никто не видит, что бы вспомнить свою дочь и нашего отца, я бы забыла их.

–Лиса!-Закричала Мира-помогай, я одна не справлюсь.

–Иду!-Оттолкнувшись от дверного косяка, я пошла помогать собирать аж 10 больших корзин. Интересно куда столь-

ко цветов понадобилось Дэракару. Может быть хочет сделать своей девушке предложение от которого она не сможет отказаться, при виде таких корзин с цветами. От этих мыслей, что – то сжалось внутри меня, странное чувство.

–Всем привет.– Услышала я голос позади себя, это был Нэйтон. В черных джинсах и черной рубашке, он выглядел замечательно. Волосы цвета ржи, закрученные в мелкие кудряшки, были распущены и доходили до плеч, очки аккуратно украшали его лицо. Он подошел ко мне и обнял меня, я уткнулась в его плечо и ощутила такой знакомый запах его тела. Внутри стало так тепло от его присутствия. Я подняла голову и он аккуратно поцеловал меня в нос, заставив меня рассмеяться от такого жеста.

–Нэйти!-Закричали девочки и синхронно запрыгнули на него. Нэйтон занимался регби и играл в местной команде с подросткового возраста, я люблю ходить на его игры, но все еще не до конца поняла на сколько нужно быть отбитым, что бы мечтать выходить на поле каждый раз в ожидании нового удара. Но все же я всегда его поддерживала, ездила с ним в травмпункт, ухаживала когда он сломал ногу, когда зашивали бровь и многое другое. Я всегда была рядом, мы даже родились с разницей в несколько дней, Мои родители и родители Нэйтона дружили со школы, но они тоже пропали так же внезапно как и мои папа и мама, с разницей в несколько месяцев, тогда пропало много человек. Велись поисковые работы, но никаких зацепок не было, они просто ушли и вскоре

поисковые работы закончились не принеся никаких результатов.

Нэйтона воспитывал дедушка, который не так давно умер. Моя бабушка заменила нам маму, она учила нас готовить, ухаживала за ним когда он болел, варила бульон для него и дедушки, да и не только бульон, мы часто завтракали , обедали и ужинали вместе, а его дедушка заменил нам папу, он учил нас завязывать туристические узлы, чинить машину, водил нас в лес с палаткой и многое другое.

Как -то будучи очень самостоятельными семнадцатилетними подростками, мы украли его машину и катались на ней всю ночь, когда вернулись, нас уже ждали. Тогда нас закрыли по домам и не разрешали видеться целую неделю, но Нэйтона это не останвило и на вторую ночь, он пробрался ко мне в комнату через балкон. Это были лучшие 6 дней в нашей жизни, нам приходилось вести себя очень тихо, что бы бабушка не решила к нам зайти, мы тихонечко смотрели фильмы на ноутбуке, слушали музыку и засыпали в одной кровати.

В последний день нашего наказания, Нэйтон был очень нервным и я не понимала, что с ним происходит, после долгих допросов он сдался и очень неожиданно для меня прижал свои губы к моим. Я испугалась и оттолкнула его, хотя внутри меня что -то в тот момент перевернулась, я будто бы всегда этого ждала, но сама не знала этого. Между нами возникла неловкая пауза, мое сердце колотилось так, что я думала, что оно может разбудить бабушку. Он тоже испугал-

ся и нервно вышел на балкон, когда я поняла, что он хочет уйти, я добралась до него в считанные секунды, развернула к себе, посмотрела в его глаза и уже сама накрыла его губы своими. Это был наш первый во всех смыслах поцелуй, он был неумелый, но лучший, потому что мы оба этого хотели и оба не знали этого. Не знаю сколько часов мы провели на балконе целуясь, неловко мы до касались друг до друга, но не хотели переходить к чему-то большему, хотя внутри нас все пылало. Он целовал мои губы, лицо , медленно спускался к шеи и я чувствовала как внизу живота разливается что – то неловко теплое.

Тогда я поняла, что безумно хочу его здесь и сейчас, он будто бы прочитал мои мысли, отстранился от меня, в его глазах прыгали огоньки желания. Теперь в его глазах , я выглядела не как подруга, а как девушка в которую он влюблен. Он поднял меня на руки и занес обратно в комнату. Усадив на кровать, он стянул с себя футболку, моё лицо залилось краской. Нэйтон сел передо мной на колени и стал целовать мои руки, я чувствовала как все внутри меня трепещет, моя грудь набухла и желала, что бы Нэйт к ней прикоснулся, но он медлил, с моих губ срывались тихие стоны, которые я старалась скрыть, а он продолжал осыпать меня поцелуями.

Его руки забрались под мою тоненькую майку и он посмотрел на меня, его лицо было залито смущением, он медленно провел пальцами по моему животу, по моему телу пронеслась волна мурашек, я хотела , что бы он не останав-

ливался, несколько сантиметров его отделяло от моей груди, которая уже изнемогала от желания, что бы к ней прикоснулись, я закрыла глаза в ожидании, но тепло его рук неожиданно прекратилось. Я открыла глаза и вопросительно посмотрела на него. Он стоял передо мной полуобнаженный, накаченный, но я не поняла почему он не продолжает ласкать меня.

Нэйт протянул мне руку и я послушно встала. Очень медленно он стянул с меня майку и я осталась в лифчике, я смотрела на него, все моё смущение куда – то делось и мне так хотелось, что бы он снова касался меня. Я обняла его за шею и крепко прижалась к нему, неожиданно я почувствовала, что -то твердое и поняла, что он тоже возбужден. Его руки обняли мою талию, наши губы слились в более уверенном поцелуе. Я даже не заметила когда он расстегнул мой бюстгалтер и медленно снял его. Мы упали на кровать, он опирался одной рукой на подушку у моей головы, а вторая рука лежала на моём бедре, но мне хотелось совсем другого. Он не отрываясь смотрел на меня, не хотел сделать что – то не так.

–Нэйт, я хочу тебя- Выпалила я как можно тише. Мои слова стали для него катализатором, он нежно улыбнулся и лишь одними губами произнес: «А я тебя» и накрыл мою грудь своим поцелуями, я застонала чуть громче чем нужно, но Нэйт накрыл мои губы рукой. Спустя несколько минут мы были полностью обнажены. Нэйтон был между мои-

ми ногами и я поняла, что сейчас случится наш первый раз, так неожиданно, но так страстно. Я почувствовала толчок и легкую боль и он вошел в меня, параллельно накрыв мои губы поцелуем, что бы заглушить мой стон. Он очень медленно и аккуратно двигался, что бы не сделать мне больно, но я была так расслаблена, что эти мгновения казались для меня сказочными. Я чувствовала его внутри себя, чувствовала его тепло и его сбивчивое дыхание надо мной. Он целовал мои губы и мою грудь, периодически прикрывал мои губы своей рукой. Это, наверное, был лучший первый раз,о котором можно было мечтать.

Уже позже Нэйтон признался, что понял, что влюбился в меня в первую ночь, когда остался ночевать в моей комнате, хотя я думаю, что это у нас произошло намного раньше. С того момента мы всегда были рядом и в сложные и в радостные моменты нашей жизни. Его любили мои сестры, он возился с ними с самого их рождения, они считали его своим старшим братом. Несмотря на все потери, в нашей жизни, мы чувствовали себя одной семьей, пусть нас не связывала одна кровь, но мы все были родными друг другу.

Нэйт закружил девочек и поставил обратно на землю.

–Нэйти- Так ласково называли его близняшки- У нас огромный заказ, десять корзин цветов, представляешь!– Завопила Светла.

–И теперь мы будем целый день собирать цветы!-Добавила Мира.

–Десять корзин? Вот это да! – Засмеялся своим бархатным смехом Нэйтон.

–Нэйтон, добрый день- Сказала бабушка-Обед на кухне, перекусите с Василисой и присоединяйтесь к нам, нам не помещают лишние руки.

–Хорошо, бабушка Лидия -Сказал он и взял меня за руку.

–И прошу в следующий раз доставлять мою внучку домой через дверь и не так поздно, что бы она успела высыпаться, а не падать без сознания в руки клиентов.– Добавила Ба, чуть тише, что бы девочки, которые продолжили свои дела с цветами, не услышали.

–Без сознания?-Уточнил он. Бабушка кивнула и вернулась к своим делам. – Лиса, ты ничего не хочешь мне сказать? – Он взял мое лицо и повернул к себе, в его глазах читалось волнение.

–Нэйт, я не знаю как это произошло, я встретила клиента и свалилась в обморок, сама не понимая, что произошло, мне резко стало жарко, потом холодно, а потом я уже лежала на улице.

–Может быть ты не пойдешь сегодня на работу, вместо этого выспешься?– Он нежно гладил меня по щеке.

–Я не могу, на сегодня больше никто не может взять смену в баре. Сейчас со мной уже все хорошо.– Улыбаюсь я, хотя сама растеряна- Пойдем обедать.– Я тяну его за собой на кухню желая уйти от этого разговора. Нэйтон понимает это и сам переводит тему, но теперь он будет следить за мной

еще сильнее чем раньше.

–У меня сегодня тренировка в шесть, после я забегу к тебе на безалкогольный мохито. – Он взял печенье со стола и с удовольствием съел его. – Давай постараемся ночами спать, а не бродить по городу в поисках новой интересной заброшки, мы можем передвинуть это занятие на дневное время. – Я засыпала мяту в чайник и от такого предложения мои руки дрогнули и я выронила банку и все содержимое разлеталось по полу, ошарашено я смотрела на Нэйта, не время своим глазам.

–Мы всегда так делали, почему ты хочешь сейчас изменить нашу традицию?-Восклицаю я.

–Потому что ты потеряла сознание сегодня утром, значит твоему организму нужно восстановление.– Пожав плечами сказал он.

–Нет, понимаешь , там было что – то другое … я не знаю как объяснить… – Я замешкалась, ведь то что я почувствовало было действительно крайне странно, это не было похоже на усталость или болезнь или еще что -то. Нэйт взял веник и стал подметать мяту, а я так и осталась в своей голове, не понимая как описать то, что произошло со мной утром.

–Лиса, пожалуйста, ты вернешься после смены, я приду к тебе и мы с тобой вместе поспим, если этого больше не повториться, мы продолжим наше небольшое увлечение. – Я села на стул, сложила руки на груди и надула губы. Нэйтон убрал всю мяту, сам запарил нам чай и разлил по кружкам. –

Не злись.– Добавил он мягко и чмокнул меня в щеку.

– Да я не злюсь!– Крайне раздосадовано сказала я и сама засмеялась и Нэйт засмеялся. Мне нужно прекратить злиться, Нэйтон просто переживает за меня, ничего не стоит один день спокойно поспать без приключений на своё мягкое место.

Следующие два часа мы провели в оранжерее, Нэйт, Светла и Мира собирали цветы, а мы с бабушкой собирали их в красивые композиции. Я смотрела на своих сестер, на Нэйта и на бабушку ,понимала, что ради них я сделаю все – то угодно. Работа двигалась быстро, я периодически поглядывала на часы , что бы не опоздать на работу к четырем часам, а еще нужно принять душ , успеть собраться.

Глава 3.

Дэракар

Я шел вдоль реки, наслаждаясь легкими порывами ветра и брызгами от фонтана которые приятно холодили мою кожу. Заказ я выполнил и мое сердце сжалось от воспоминаний о Василисе, она так яро напомнила мне одного человека. Рыжие длинные волосы, веснушки, зеленые глаза с прыгающими огоньками озорства. Василиса была копией , только кожа ее была не такая бледная, а волосы были похоже на языки огня, которые хаотично завивались и прыгали в разные стороны. Моя Цисилия была другой, бледная кожа, практически прозрачная, напоминающая мне мрамор и длинные прямые

белые как снег волосы, ни у одной девушки в человеческом мире, я не видел ничего подобного.

Моя Циса была как статуя , грациозна и красива, нежна и робка… по крайней мере, я помню ее такой. Моя память старается забыть всю жестокость, которую проделали с нами. Аккуратно эти воспоминания скрываются в уголках памяти, но только Ее я старательно по крупицам пытаюсь сохранить детально. Прошли столетия, а моя кожа помнит ее прикосновения, мои губы, помнят ее поцелуи, я помню ее голос и мне ее не хватает. Василиса так похожа на нее, хотя является ее противоположностью, но когда я увидел ее глаза, мне показалось, что я снова вижу перед собой девушку , которую так давно потерял. Когда она потеряла сознание и я аккуратно взял ее на руки, ее кожа была бледна и холодна и я будто бы снова держал на руках тело Цисы, воспоминания захлестнули меня, я аккуратно уложил ее на плетеный диванчик на заднем дворе и сел рядом. Моя рука не произвольно потянулась к ее лицу, еле касаясь ее , я провел пальцами и застыл на мгновение. Внутри меня что – то разгорелось, возникло непреодолимое желание ее поцеловать, мое тело желало это сделать, я наклонился ближе к ней, но во время остановил себя.

После Цисы я никого не подпускал близко к себе, никто не ложился в мою кровать. Столько девушек я встречал на своем пути, они были прекрасны, красивы, но ни к одно из них у меня не возникало желания, я запретил себе полюбить

кого – то еще. Я еще раз провел рукой по ее волосам и встал отойдя подальше, что бы не соблазнять себя мыслями и желаниями, которые неожиданно возникли в моей голове. К моему облегчению , она быстро пришла в себя и с приходом ее бабушки, я вновь сосредоточился на выполнении заказа. Лидия, бабушка Василисы, была сдержана и холодна, она сухо принимала заказ, периодически косилась на меня и в ее взгляде читалось недоверие и раздражение, возможно я заслужил такого взгляда, но сейчас мне нужно было сделать заказ именно здесь, умение не ослушиваться приказов, быстро привили мне и оставили напоминания в виде множества шрамов.

От воспоминаний, мои кулаки сжались и легкие искорки стали от них отлетать, не прошло и нескольких секунд, как тонкие браслеты на моих руках впились в мою кожу и отдали легкий заряд электричества, который пронзил все мое тело, напоминания мне, что даже волю своим эмоциям я не имею права дать. Хоть мое тело и привыкло к боли, но я так сильно сосредоточился на своих мыслях, что не ожидал ничего подобного. Мои колени подогнулись и я удержал свое тело от стыдного падения по середине тротуара, мои руки нащупали перила моста и я схватился за них.

Закрыв глаза, я стал глубоко дышать, восстанавливая свое сердцебиение , запирая на засовы все не нужные мне воспоминания и эмоции. На моем лбу возникла испарина, я открыл глаза легкие брызги от фонтана охладили мое лицо.

Сердце успокоилась, воспоминания снова были заперты, я мог продолжать свое жалкое существование.

Пробираясь еще двести метров по извивающейся тропе, я сделал поворот налево и углубился в лабиринт уютных домиков, каждый из которых будто дышал историей. Когда я вышел на главную улицу, мир вокруг меня моментально изменился – на мгновение я остался неподвижен, завороженный жизнью, раздающейся со всех сторон.

Улица жила, как пульсирующее сердце. Здесь исторические здания, обремененные временем, невидимо шептали о произошедших трагедиях, когда страшные катастрофы оставили свои следы в камне и земле. Но теперь, в этой яркой картине, они выступали в качестве тайных свидетелей, охраняющих свои секреты и пряча их под покровом ярких вывесок кафе, изысканных ресторанов и шумных развлекательных площадок.

Толпы людей, погруженные в свои миры, беззаботно прогуливались, смеясь и обсуждая насущные вопросы, совершенно не догадываясь о том, что под их ногами скрываются призраки прошлого. Каждый шаг по этой улице – это будто танец на грани времени, где каждая улыбка и каждый звук умеют освещать мрак давних историй. Здесь, среди архитектурной старины, словно навсегда осталось эхо неведомой опасности, дремлющей в тени повседневности, обнимая всколыхнувшуюся жизнь нежным, но тревожным напоминанием.

Я снова придался воспоминаниям и браслеты на моих руках стали нагреваться, предупреждая меня о последствиях.

Что это сегодня со мной?

Таким эмоциональным я не был уже много десятилетий. Откинув мысли и потерев руки, где от нагревания уже начали появляться волдыри, от этой картины я лишь улыбнулся. Что бы немного отвлечься, я надел наушники и включил музыку, современная музыка для меня все еще была не понятно, поэтому я включил классическую и не заметил как ноги сами принесли меня к нужному месту.

Здание, которое являет собой истинное произведение архитектурного искусства, с гордостью несет на своем фасаде надпись «Пассаж», словно невидимая рука художника тщательно вывадила каждую букву. Оно манило прохожих своим элегантным светло-бежевым цветом, нежно сливающимся с окружающими постройками, но вход в это великолепие был запечатан на неопределенный срок, ведь внутри него кипели работы по реконструкции, затянувшиеся уже на многие десятилетия, и не предвещали скорого завершения.

Главный вход в здание поражал своими размерами – величественный и высокопарный, он простирается до уровня второго этажа, словно открывая портал в иной мир. Портик, венчающий вход, украшают прекрасные кариатиды, недвижимые хранительницы этого великолепия, которые будто следят за судьбой каждого проходящего мимо. Множество закрытых и заколоченных дверей, оформленных с удиви-

тельной тщательностью, создавали иллюзию, что здание по-прежнему заполнено жизнью, как будто его внутренности хранят в себе множество незавершенных историй.

Пройдя мимо уютного кафе, запах свежесваренного кофе из которого смешивался с теплым воздухом, я решил свернуть направо и начал спускаться с горки, направляясь к парку с озером, отражающим яркое солнце. И как только я покинул это пространство, иллюзия великолепного триумфа архитектуры вновь появилась в моем восприятии. На первом взгляде здание казалось скромным трехэтажным, но, сойдя с уклона и свернув обратно, было видно как его пятый этаж легко пронзают небеса. Эта игра оптики никого не смущала, жители давно привыкли к таким визуальным метаморфозам и оправдывали их фразами о том, что именно так и задумывалось изначально – такой проект, такая концепция. Однако, в тишине, порой можно услышать, как здание шепчет в ответ свои старинные тайны, хранящиеся за его закрытыми дверями.

Дойдя до величественного забора, который возвышался вдоль края здания, я остановился и осторожно огляделся вокруг. Людей здесь было предостаточно, но они, поглощенные своими заботами и мыслями, словно закованные в кокон повседневной суеты, даже не заметили, как я скользнул в тень этого забытого места. Положив руку на холодную железную дверь, я сосредоточился. Вдруг из нее вырвался столб искр, освещая мою ладонь мягким, мерцающим светом. Ожида-

ние было недолгим: замок с тихим шорохом сдался под нажимом, и, быстро приоткрыв дверь, я юркнул внутрь.

Сразу же меня окутала прохлада, будто здание нежно приветствовало меня, укрывая от зноя, царящего снаружи. Под ногами ощущалась скользкая грязь. Темнота царила вокруг, и если бы не мое острое зрение, мне непременно потребовался бы фонарик, чтобы пробраться сквозь мрак. Высокие арки, устремленные ввысь, словно величественные хранители прошлого, возвышались надо мной, напоминая о былом великолепии этого здания, затерянного в безмолвии современности. Красный кирпич, мужественно удерживающий на себе массивное тело из блоков, хранил в себе следы недавнего обрушения – следы, которые были с любовью восстанавливаемы, но, увы, лишь с внешней стороны.

Архитектурные линии, когда-то изящно гармонировавшие с небом, теперь были высмеяны безликими современными строениями из серого бетона, которые насмехались над старыми идеалами. Эти новые конструкции грубо обрамляли заброшенное здание, создавая преграды для любопытных зевак и искателей приключений. Дети, полные юношеского задора, стремились попасть внутрь, забывая о рисках, которые могли ждать за каждым углом: они лазили через железные заборы, перебирались через бетонные блоки и отпиливали решетки, собираясь здесь компаниями. В этих мрачных местах, на стыке старины и современности, на грани воспоминаний и забвения, шептала история, полная ма-

гии, и недоступная для тех, кто вечно спешит.

Мы внимательно следили за ними, словно невидимые тени, проникающие в самые потаенные уголки их мира. Каждый наш шаг был мгновенным и неуловимым, поскольку мы знали, откуда они появляются и куда уходят – мы были молчаливыми спутниками, не трогающими их, но бережно хранящими свои секреты. Эти обитатели поверхностного мира никогда не приближались к нашим тайнам, ибо в них не было искры авантюризма, той живительной силы, что толкает на открытия. Их притягивала лишь простота жизни: рисовать на стенах или восхищаться архитектурой магазинов, сверкающих под лучами солнца, и изящными статуями русалок, которые таинственно украшали потолок.

Но настоящая игра начиналась позже, когда мрачные загадки наших укрытий становились непреодолимой шифровкой для них. Никто так и не мог догадаться, кто же вечно закрывает все входы, созданные с ювелирной точностью. Мы всегда оставались незаметными, прячась в тьме и ускользая в недоступные комнаты, где время замирало. Лишь некоторые, обладая острым чувством, могли уловить легкий дуновение ветра на своей коже в тот момент, когда мы проходили слишком близко, или услышать тихие шорохи наших шагов, когда мы вступали в свою таинственную игру с ними. Некоторые из них начинали чувствовать наше присутствие и, на миг останавливаясь, видели лишь тени, промелькнувшие в полутьме, и вдруг, как по команде, к ним приходила неуга-

симая жажда – погнаться за тем, что ускользает.

Но даже подойдя вплотную, на расстояние вытянутой руки, они не могли разглядеть нас, словно мы были лишь тревожными видениями. Мы слышали, как их сердца колотились в груди, подталкивая кровь ускоренными ритмами, боясь того, что никогда не сможет быть поймано. Мурашки проходили по коже, как легкий мороз прикосновения, и когда мы нежно касались их, они испытывали щемящее чувство страха и удивления, не в силах объяснить это друг другу.

Нас было много и в случае реальной угрозы нашему секрету мы могли бы расправиться с любым, кто осмелился приблизиться, всего за пару мгновений. В каждом окне на каждом этаже таились невидимые глаза, зорко следящие за происходящим, оберегая то, что должно оставаться в тайне. Мы играли с их мыслями, терзали эмоции и стравливали страх, ведь именно в этом проявлялась наша суть – в темных глубинах, где живут наши секреты, мы всегда оставались как бы на шаг впереди, всегда готовы впитать в себя их страхи.

Достигнув светлого участка, я поднял взгляд сквозь жесткую решетку, которая служила полом первого этажа. Внимание мое притянула тишина, царившая там, и, осознав, что мне необходимо продолжить свой путь, я шагнул в одну из комнат подземного этажа. С каждым шагом, поднимаясь по узкой лестнице, у меня возникло чувство, как будто я восходил из мрака в новый, яркий мир. И вот, я оказался в

самом сердце пассажа, где светло -голубые стены переливались утренним светом, а колонны, словно древние стражи, охраняли это место, окруженное статуями, которые встречали меня одобрительным холодом. В воздухе витал легкий запах старости, каждый уголок напоминал о том, что здесь когда-то царила жизнь и тепло, но теперь все замерло в ожидании новой жизни, которая, увы, не суждено было здесь появиться.

Подойдя к черной будке, на которой красовался знак электричества, я на мгновение замер, словно почувствовав, что что-то важное заставляло меня медлить. Затем, собравшись с духом, я осторожно вошёл внутрь и плавно закрыл за собой дверь, издав тот тихий шелковистый звук, который указывал на то, что за пределами этой будки осталась вся суета и шум. Легкое движение пальцами, и в помещении появился свет – не яркий, но достаточно, чтобы разглядеть всё вокруг. Внутри будка напоминала лифт, застывший в ожидании, но без привычных кнопок. Я воспользовался остатками моей силы – их было немного, но хватило, чтобы привести в движение механизм, и медленно, с лёгким треском, стал опускаться вниз.

Спустившись на минус второй этаж, я ощутил странное сочетание тревоги и облегчения, когда увидел, что эти уровни, скрытые от глаз обывателей, были удивительно комфортабельными и вдали от ощущения заброшенности, которое царило выше. Их стены были обиты мягкими материалами, а

свет источал атмосферу, словно это место когда-то знало уют и тепло. Надев маску безразличия, я шагнул вперед, прислушиваясь к звукам, которые казались странными и непривычными. Я знал, что меня ожидает нечто неожиданное, неведомое, но при этом манящее, и в этот момент я почувствовал, как сердце забилось быстрее.

–Дэракар, почему так долго? – Пронесся холодным голос женщины, в черном платье, ее губы, накрашенные красной помадой, изогнулись в неприятной двуличной улыбки. Это была мадам Александрова.

–Прошу прощения, я выполнил приказ.-Сухо сказал я , стараясь не отображать на своём лице неприязнь к ней. Она медленно подошла ко мне, все та же улыбка играла на ее лице, она подняла руку и провела по моему лицу пальцем с длинным острым ногтем, на секунду остановившись у моей шеи. Я сдержал позыв своего тела отстраниться и продолжал неподвижно стоять.

–Это был не приказ, а просьба-Отвратительно слащаво сказала она и убрала руку, придвинулась ко мне ближе и встав на полу пальцы приблизилась к моему уху и прошептала.– Ну же, милый , лицо по проще, а то я случайно подумаю, что ты не способен больше выполнять просьбы и придется простимулировать тебя, чуть более довольна разговаривать со мной, например нейтрализуем кого – нибудь из твоих , например Рибекку. С моих губ сорвался тихий рык, я напряг кулаки и все моё тело начало трясти от ярости, я очень быст-

ро за это поплатился, не успев даже осознать свои эмоции, меня пронзил сильный удар электричества. Не позволив себе закричать, я упал перед ней на пол и сжался от боли. Мое тело все еще пронзали вспышки тока, намного слабее , чем в первые секунду. Если бы я был человек то умер бы на месте. Она поставил свою ногу мне на плечо, ее тонкая шпилька больна впилась в мою кожу, и с силой толкнула меня.

–Дэракар, Дэракар, за столько лет, ты все еще не понял, от твоей могущественной силы ничего не осталось, не строй из себя бога, твои крылышки обрезаны, а сила под контролем, довольствуйся теми искрами было могущества, которые у тебя остались и не нарывайся. Пусть и Цилисии у тебя больше нет, но твоя семья все еще здесь , подумай хотя бы о них.– мадам Александрова переступила через меня и походкой от бедра ушла прочь.

Я лежал на холодной, влажной земле, содрогаясь всем телом от острого холода, что проникал в самую душу. От меня клубился легкий дым, словно указывая на то, что душа моя не устала, а лишь искала выход из этого мрачного состояния. Мои руки, несомненно, стали кровавым месивом, будто сами по себе обескровленные, однако эти физические страдания в итоге казались мизерными по сравнению с глубокой болью, что терзала мою душу. Чувство, будто я – лишь чья-то собачка, лишенная свободы и достоинства, убивало меня больше, чем все раны, которые оскверняли мое тело.

От когда-то могущественной расы Сефиритов остались лишь бледные тени, запертые в оковах электрического тока. Теперь, лишенные прав и свободы, мы стали лишь рабами, нужными лишь как жалкая прислуга для тех, кто когда-то смотрел на нас с почтением и восхищением. Эти мрачные мысли, словно темные облака, не покидали меня, отравляя каждый вдох и заставляя сердце биться в неистовом ритме. Я чувствовал, как ярость снова начинает закипать внутри, как буря, накатывающая на берег, но боролся с ней из последних сил. Я старался остудить этот внутренний огонь, вновь и вновь вытеснять его из своего существа, в надежде на мир, который я когда-то знал и который теперь казался недостижимым.

–Дэр …– Услышал я знакомый тихий голос, это была моя сестра Рибекка, некогда прекрасная девушка, превратилась в тень самой себя. Длинные волосы были сбриты, тело ее истощало, они выглядела как скелет , красивые голубые глаза, сильно впали и не излучали больше того яркого неземного света. Ей сильно досталось тогда, она долго провела внутри себя не приходя в сознание, мне казалось, что я ее потерял, но ее разум, понемногу исцелялся, но оставил огромные раны, там внутри нее. Кожа была бледна и холодна. Она села рядом со мной и погладила по шеке. – Дэр… вставай… Дэр…– Только и произнесла она и из глаза полились слезы. Плакала она беззвучно, что бы никто даже не смог услышать ее.

–Все в порядке- Сдавленно произнес я и превозмогая боль сел и постарался выдавить улыбку.

Рибекка, словно затерянное в мире теней существо, практически не разговаривала, не выдавала длинных предложений, которые могли бы вырваться из ее уст, как струйки света из трещин в облаках. Лишь изредка, в редкие моменты, нарушая свое молчаливое уединение, она радовала нас парой-тройкой слов, искренних, но хрупких, как стекло, отражающее свет. Чаще же погружалась в молчание, смотрела куда-то вглубь себя, в бездну потухшего потустороннего взгляда, будто искала утешение в том, что осталось от ее пережитых страданий.

Я часто приходил к ней и пытался наладить разговор, делясь своими тревогами и волнениями – бесконечными и порой незначительными. В такие мгновения ее присутствие казалось мне настоящим подарком, даже если оно было пропитано холодом отстраненности. Рибекка не отвечала, и я старался ее развеселить, извлекал из памяти шутки и забавные истории, смеясь и улыбаясь для нас обоих, даже когда подобие улыбки на ее лице появлялось лишь на мгновение.

Годы спустя, после невыносимых пыток, моя дорогая сестра так и не смогла вернуться к жизни, оставаясь затворницей собственных воспоминаний. Но я лелеял в себе надежду, что однажды она снова будет радостно смеяться, щебетать обо всем на свете, словно птица, вновь обретенная

свобода. И, может быть, это безжизненное выражение, безмолвный след от страха и мук, навсегда сотрется с ее лица. Но пока я оставался довольным тем, что она может передвигаться, и иногда, с некой утонченной растерянностью, произносит мое имя, будто это волшебное заклинание, пробуждающее в ней хоть маленькую частичку жизни.

–Бекка, не переживай. – Я мягко взял ее за подбородок и поднял ее лицо, что бы она не продолжала смотреть на мои раненные руки. Её глаза не мигали , она смотрела куда -то в глубь моих глаз. Мы встали и я медленно сделал шаг, который отозвался в моем теле дикой волной боли. Сестра этого не заметила, она уже ушла далеко вперед раскачиваясь из стороны в сторону и что -то мычала себе под нос.

Второй подземный этаж, этот мрачный уголок, служил нашим приютом, нашей последней крепостью, укрытием от бесчисленных кошмаров, что наводили на нас ужас. Первым подземным этажом владело тайное общество, не знавшее пощады, осуществлявшее над нами свои притворные игры, как жестокие дети с марионетками. Теперь мы стали их верными собачками, на которых повесили ярлыки безжалостных рабов, обязанных выполнять каждый их приказ, даже если это означало предать сами себя.

Я мог почувствовать себя свободным лишь тогда, когда находился подальше от этого зловещего подземелья, если моя душа могла хоть на мгновение оторваться от этого беспросветного мрака, где воздух пропитан сыростью и холо-

дом. Мечтая о близости воды, о нежном ласковом ветре, что будет обдувать мою изможденную кожу, я ступил в свою крохотную комнатку. Это было жалкое подобие убежища, где помещался лишь тонкий матрас, обитый пылью, который лежал на холодном земле, маленькая подушка с одеялом, изношенные и потертые временем.

В углу стоял скромный столик, на котором тускло пылали остатки некогда восковой свечи, а рядом расположился шкаф, сдерживавший в себе мой скудный гардероб, как печальное напоминание давно минувших времен. Не имея сил даже снять с себя грязную одежду, я рухнул на матрас лицом вниз и, издавая всхлипывающий стон, погрузился в пучину своей бездны. Все мое тело протестовало, с каждой клеточкой ощущалось невыносимое напряжение, жизнь неумолимо возвращалась ко мне, и озноб пробегал по мне, как незваный гость.

Закутавшись в одеяло, я попытался спрятаться от натиска действительности, закрыв голову от мира и начав погружаться в глубины своего сознания. Мой разум напоминал длинный коридор, простирающийся в бесконечность – коридор, вдоль которого располагались множество коричневых деревянных дверей, каждая из которых хранил в себе свои собственные тайны. Пройдя немного вперед, я остановился перед одной из них и, не раздумывая, распахнул её. Но это было ошибочное решение. Перед моими глазами вновь

вспыхнули те ужасные воспоминания о мучениях, о том, как я, прикованный к стене огненными наручниками, истекал в пламени, кричал, умолял о пощаде… И всё после терял сознание, как будто моё тело сдавало последние отчаянные прорывы.

Из этого темного зала воспоминаний меня выбросило чьето прикосновение; я открыл глаза и, лишь углубившись в тьму, понял, что моё тело восстановилось. Не осталось ни намека на недавние события, ни шрама на душе, только тяжелое спокойствие, как будто все пережитые мучения остались позади, унесенные в эту бесконечную тьму.

–Дэракар – Сказал грубый мужской голос, я откинул одеяло и передо мной стоял Обинес, высокий темноволосый мужчина, один глаз его ослеп и превратился в белое затуманенное облако, которое по неизвестным причинам не поддавалось регенерации. – Вас вызывают – Скупо сказал он и развернувшись, быстрым шагом вышел из комнаты. Объяснения кто вызывает были не нужны, я сам все понял. Сняв с себя запачканную одежду, я надел черную рубашку и темные джинсы и вышел из комнаты. Пройдя пролет наверх по темной железной красивой лестнице, я прошел красивый большой зал с колоннами, который использовали для общих мероприятий.

Высокие потолки, увенчанные изящными лепными узорами, и яркий свет, который ослепительно струился по всему залу, резко контрастировали с нашими мрачными жилища-

ми на втором подземном этаже. Здесь, в этом великолепии, царило неподдельное величие и неоспоримая помпезность, словно сам дворец забыл, что населяет его нечто, совершенно не соответствующее его роскоши. Света здесь было столько, что он казался обманчивым – могли бы подумать, что солнечные лучи врываются в помещение через огромные окна, которые, однако, отсутствовали, как и само солнце в этом запутанном мире.

Подойдя к массивной деревянной двери, искусно вырезанной и увенчанной сложной резьбой, я тихонько постучал. Дверь мгновенно распахнулась, и я почувствовал, как холодный воздух из коридора столкнулся с волной тепла, исходившего из внутреннего зала. Здесь отдыхала вся свора ордена Александрова, здесь они смеялись, презрительно и беззаботно, погружаясь в обсуждение своих дальнейших коварных планов. Именно здесь они вершили суд над простыми людьми, вынося им приговоры с величавостью древних царей, и здесь, в тени их смеха, кроилась зловещая атмосфера, полная зла и высокомерия.

Я испытывал яростную ненависть ко всем им, которая разрывала мою душу на куски. Внутри меня бушевала неуемная жажда мести; мне хотелось вцепиться в каждого из них, как хищник в свою жертву, и разорвать глотки, наклонившись, чтобы увидеть, как последние капли жизни вытекают из их тел, как ручейки, оставляя холодный след на полу, опустошая этот зал. Я желал заглянуть каждому в глаза, чтобы на-

сладиться их страхом, глубоко укоренившимся в их вздохах, однако реальность была иной. Я лишь мог опустить голову, как раб перед хозяином, и направиться к нему, тому, кто меня вызвал, избегая лиц, полных высокомерия и презрения.

– Господин… – произнес я, и в моем голосе прозвучали нотки отвращения, знакомые лишь тем, кто был вынужден обращаться к тиранам. На роскошном бархатном кресле, величественно напоминающем трон, восседал никто иной, как Александр Александров, монстр в человеческом обличье. Вокруг него, словно златокудрые нимфы, витали надушенные девицы в откровенных нарядах, которые лишь едва скрывали их обнаженную красоту и распутные намерения. Эти юные создания, словно хаотичные цветы растущие в грязи, флиртовали с ним, предлагая свои тела в обмен на блестящие монеты, которые плясали в его руках.

Но стоит ему показать лишь малейшую прихоть, как их тут же выставляли за дверь, окутывая чары забвения. На следующее утро в этот чертог безнравственности и разврата уже везли новых красавиц, столь же жаждущих одобрения и богатства, готовых снова и снова обольщать, завораживать и хохотать, внося в этот мрачный праздник краски и жизнь.

А его жена, Ингрид Александрова, олицетворение красотки с легким налетом безумия, полуголая, словно принцесса, упавшая с небес, тихо лежала на роскошной кровати. Она была окружена толпой поклонников, которые с бесконечным почтением кормили её виноградом, а её смех, словно коло-

кольчики в весенний день, наполнял атмосферу легкостью и игривостью. Как только она заметила меня, в её глазах блеснула искорка, живая и звучная, она медленно манила меня пальцем, похлопывая по мягким подушкам, словно приглашая расположиться у её ног. Я знал, как часто она пыталась завести со мной интрижку, как усердно она пренебрегала моими постоянными отказами, но сегодня, казалось, она была особенно игрива и настойчива.

Я сделал вид, что не замечаю этот вульгарный жест и, глядя на её мужа, почувствовал, что их пара гармонично дополняет друг друга. В них было что-то такое, что указывало на схожесть их ценностей и взглядов на семейную жизнь. Каждый из них, словно две половинки одного целого, находил отражение в другом – искаженное, но столь близкое, что мне стало даже не по себе от созерцания этой темной пары.

–Дэракар, я надеюсь, что к завтрашнему празднованию Литы всё готово? Завтра все должно быть идеально, соберется весь орден. Этот великий праздник, всё должно быть на высшем уровне. – При упоминании нашего праздника, чистого и прекрасного из его грязного рта, у меня побежали мурашки. Они присвоили не только нас, но и наши свешенные праздники и опошлили их грязным празднеством.

– Да, господин. – Сквозь зубы сказал я и руки сложенные за моей спиной сжались в кулаки.

–Передай своему народу, что они могут присутствовать…

кто может подняться. – После этих слов, с его губ сорвался смешок и девицы рядом с ним тоже рассмеялись. – Пусть оденутся подобающе празднику и подготовятся к ритуалу – Он многозначительно посмотрел на меня и я сразу все понял. Все эти годы, я думал, что сильнее опошлить и унизить наши праздники уже нельзя, но видимо этот раз, превзойдёт все другие. – Лейла, милая – Обратился он к девушке сидящая у него на коленях и облизывающая его шею, внимательно посмотрела на него. – Ты ведь хочешь остаться со мной до завтрашнего утра? – Девушка нервно улыбнулась и замешкалась с ответом, Александров не любил долго ждать, поэтому накрыл губы девушки своими губами и мерзко и слюняво поцеловал ее, после чего та активно закивала и встав перед ним на колени опускалась поцелуями все ниже. – Свободен. – Сказал он мне и небрежно махнул рукой на дверь. Не долго думая я развернулся и игнорируя стоны, которые доносились с кровати, быстрым шагом покинул эту комнату.

Мое сердце, словно дикий зверь, выпрыгивало из груди, разрывая эту пронизывающую тишину паники, охватившую мои мысли. Я стоял на краю выбора, рвавшего меня на части, хотя, по сути, у меня практически и не было варианта. Эта девушка сегодня умрет , она, прекрасная и невинная, была обречена, и сегодня её жизнь будет отдана в жертву, но не богам, не тем небесным силам, к которым, возможно, стоит обращаться в молитвах. Нет, ее судьба предназначена жестокому ордену, хранящему лишь тьму и бездну жестокости. И

вся грязная работа, достанется именно нам обреченные подчищать за господинами.

Сильно сжимая кулаки, я понимал, что ни одна искра бунта, ни один порыв любви не смогут изменить сценарий этого зловещего ритуала. Мое желание помочь ей было задушено в корнях страха – страхом за свою жизнь, страхом за своих людей, которые также могли жестоко пострадать от рук, ожидавших лишь малейшего шанса отомстить. Я мог бы попытаться восстать, пробудить в себе ярость, но какое это имело бы значение? Я мог бы спасти девушку, отстоять её жизнь, но при этом обречь свой народ на ту же жестокую судьбу.

«Спокойствие,» – шептал я себе, как заклинание, помогающее собраться и обрести ясность в этом непростом выборе. Я должен был мыслить без эмоций, только холодным рассудком, принимать решение, которое было бы лучшим для Рибекки и для тех, кто от меня зависел. Мои мысли были полны заботы о своих людях – их жизни и судьбы не должны быть сломлены в угоду одной, пускай и беззащитной и хрупкой. Я должен был проявить мудрость, последовательность, смирение. Не для себя, но ради будущего всех нас.

Спустившись на второй подземный этаж, я пошел в общую комнату, где должны находится практически все.

–Обинес, Ворак. – Окрикнул я. Они вопросительно посмотрели на меня. – Срочно собрать всех. – по моему встре-

воженному тону, они поняли, что не стоит уточнять что случилось. Обинес сразу направился к огромному колоколу, который оповещал всех об общих сборах, не задав не единого вопроса. Ворак лишь на секунду поколебался и спросил.

–Вообще всех? – В его голосе проскочила нотка не доверия. Пусть я когда – то и был их лидером, только с того момента утекло слишком много воды, но мой авторитет никто не подрывал и я старался его поддерживать как мог в данных условиях.

–Тех, у кого есть силы провести ритуал и… проследите, что бы отстраненные не покидали общей комнаты, оставьте с ними Малику и отправьте в эту комнату Ребекку.– Ворак напрягся, но больше не задал вопросов.

Вскоре комната наполнилась людьми, все, кто мог откликнуться на наш призыв, пришли, подобно стае птиц, примчавшихся по первому зову. Я медленно окинул взором собравшуюся толпу, и ужаснулся: от когда-то многолюдного народа осталась лишь малая горстка усталых и изнеможенных, которые еще удерживались на ногах, словно последние листья на скупом осеннем дереве. Я не знал, с чего начать разговор, и с каждым мгновением запоздалости слова все больше углублялись в моем сознании, становясь тяжеловесными и мучительными.

– Сегодня ночью, как вы все знаете, наступает летнее солнцестояние – великий, долгожданный праздник Лита, – произнес я, стараясь вложить в свои слова всю важность мо-

мента. Я замер на мгновение, прислушиваясь к себе, пытаясь отыскать нужные слова, чтобы передать информацию, окутанную мраком неизбежности.

–Нас позвали на праздник? -недоверчиво произнес кто-то из толпы, его голос звучал как треск сухих ветвей под ногами, нарушая напряженное молчание.

–Да, – подтвердил я, -но наша миссия не заключается в веселье и беззаботном отдыхе. Мы здесь, чтобы провести ритуал. -Я снова замер, внимая взглядам каждого, кто смотрел на меня. В их глазах читалось множество чувств – страх, сомнение, ожидание. Неловкая тишина повисла в воздухе, как тяжелое одеяло.

–В чем наша задача? – прервал молчание Обинес, скрестив руки на груди, и его голос был подобен раскату грома, разрывающему небесную тишину.

– Мы должны провести ритуал жертвоприношения, – сказал я, чувствуя, как слова вырываются из уст, словно нечто зловещее и опасное. Толпа напряженно зашевелилась, словно в ней пробудились недовольные духи. Все пытались высказать свои мнения и протесты, но вскоре замолчали, понимая, что спрашивать их никто не собирается. Приказ был отдан, и его выполнение было вопросом жизни и смерти. – Господин Александров выбрал жертву. Наша задача заключается в том, чтобы все сделать правильно, без лишних эмоций. Чем быстрее мы все это завершим, тем скорей это закончится. Не первый раз и не последний. А сейчас нам необходи-

мо украсить все к празднику и воздвигнуть завесу, скрывающую нас от посторонних глаз. Прошу вас, не теряйте времени; его у нас не так много.

Никто больше не проронил ни слова. В том же молчании, окутанном напряжением, мы направились наверх, где нас ослепил яркий, почти огненный свет от солнца. Его теплые летние лучи, пробиваясь сквозь стеклянную крышу купола, рассеивались по всему пространству, оживляя его. Иссиня чистое небо манило нас в высоту, но было недосягаемо, как мечта, ускользающая при малейшем приближении. Наших остаточных сил хватит лишь для того, чтобы возвести завесу и украсить все к предстоящему празднику. С каждым шагом мы приближались к неизбежному, зная, что впереди нас ждет ритуал страха и отчаяния.

Александров позаботился о том, что бы украшение было разнообразно – прекрасное, вот только такая природная красота, корзины фруктов, цветов, ни как не была связана с той тьмой, что хранило его сердце и с той чернотой, которую он здесь вытворял. Когда – то это был светлый праздник бракосочетания наших отца и матери, нашего Бога и Богини, сейчас же это осквернение всего того ценного, что хранили мы в своих сердцах.

Выстроившись в круг, мы взяли друг друга за руки. Сердца наши забились в унисон, и мы выпустили те крохи нашей внутренней силы, объединив их в одно целое, словно художник, смешивающий краски на палитре. Из нашего об-

щего усилия возникла завеса – тонкая, невидимая преграда, способная защитить от любопытных взглядов, которые так и жаждали заглянуть в окна, чтобы узнать о происходящем в этом таинственном месте.

Со стороны казалось, что за окнами находится лишь привычная для них картина – обветшавшее, полуразрушенное здание, сохранившее остатки некогда великолепной архитектуры. Порой оно выглядело как одинокий призрак, бродящий по пустынным улицам, напоминая о былом величии. Однако, в ту минуту, когда собирался наш орден, старый пассаж постепенно обретал свою былую красоту и величие. Осыпавшаяся штукатурка, которая ранее грубо обвисала, теперь превращалась в гладкую и свежую поверхность, словно только что слепленная мастером.

Пол, некогда полу обрушенный и беспорядочный, с каждой секундой выравнивался, собиравшись в идеальную плитку, подобно тому, как разбросанные кусочки мозаики неожиданно образуют гармоничное целое. Алмазная мозаика в центре зала сверкала, играя на свету, словно сама магия этого места оживала. Обнаженные русалки державшие потолок, продолжали очаровывать нас своей красотой, изгибаясь и танцуя под невидимой музыкой, маня в свои загадочные объятия. И даже заброшенные фонтаны, которые когда-то были лишь воспоминанием о былом великолепии, вновь наполнялись прозрачной, переливающейся водой, отражая небесные цвета, наполняя пространство вол-

шебством.

Но когда мы спускаемся в подземные этажи, атмосферу наполняет печаль. Здесь все обретает истинную судьбу: заброшенность и руины, где время, кажется, остановилось, и лишь звучание наших шагов нарушает тишину. Эти места подверглись вечной реконструкции, но ни одна работа не могла вернуть былую жизнь; вместо этого они хранили печальные воспоминания, готовые поведать о горьких утрат. Настоящее состояние этих подземных коридоров, полных теней и заброшенных надежд, контрастировало с тем великолепием, что мы только что создали, создавая ощущение того, как хрупка и изменчива красота, и как легко она может быть утеряна.

Услышав тихий щелчок, доносившийся из черной будки электричества, я уже знал кого я сейчас увижу. В легком черном атласном платье, нам на встречу вышла Ингрид в компании своих марионеток, ее волосы были распущены, а красная помада растерта, босыми ногами она ступала по только что выложенной плитке и источала аромат просекко за километр, ее обожатели практически несли ее на руках, параллельно лобызая ее руки и все что попадалось на пути.

–Они мне надоели. – Сказала она указывая на толпу парней. – Уберите их и что бы никто даже не вспомнил где провел предыдущую ночь. – Марионеток быстро провели до двери, выпроводили и сделали завесу их памяти, подобную той, что наложена на весь пассаж. Я стоял между двумя колонна-

ми и впритык смотрел на нее, она медленно приближалась ко мне. В навыках соблазнения, ей не было равных, ее походка, глаза, вздернутый подбородок, так и источал энергию секса и доступности. Она действительно была хороша, но для меня в месте с энергией флирта из нее лилась черная энергия пошлости , которая черными сгустками капала рядом с ней на пол, они источала зловонный запах грязи, от количества партнёров, которые проходили в ее кровати за ночь, все этого конечно не было видно обычному глазу, но для меня она была такой. – Милый. – Обратилась она ко мне и грациозно облокотилась на колонну рядом со мной, я отстранился и отошел на безопасное расстояние. – Ты все равно окажешься в моей кровати и тогда я покажу тебе, что ты потерял за столько лет отказа, ты сам будешь просить не останавливаться, а я так и быть сжалюсь над тобой и не дам тебе уснуть. – от этих слов, мне хотелось вымыть уши с мылом, а заодно и ее рот. Если эти слова и были для кого – то возбуждающими, то у меня они лишь вызывали тошноту и желание смыть с себя грязь.

–Прощу прощения, мне нужно идти. – Сказал я и проследовал прочь от нее.

–Не опаздывай. – Сказала она мне в след. – Без тебя мы не начнем жертвоприношение, та глупышка все еще не догадывается, что это ее последние часы, но ее развлекает Александр, так что можно сказать она уже в раю.– Я не обернулся, лишь ускорил шаг и так быстро как мог вышел на свежий

воздух.

Ночь будет долгой и отвратительно мерзкой. Ноги сами понесли меня обратно в оранжерею, мне хотелось еще раз увидеть Василису, хотя до назначенного времени, когда я мог забрать цветы было еще время. Но лучше я проведу это время гуляя вдоль Боолака, чем еще секунду проведу в этом проклятом месте.

Глава 4.
Лиса

–Я ушла!– Крикнула я, вязла Нэйта за руку и закрыла за собой дверь.

–Лиса… – Он остановил меня на мосту за один светофор перед моей работой. Солнечный день игриво погружался в воду и от соприкосновения отражался яркой радугой.– Как ты себя чувствуешь?

–Все хорошо. – Улыбнулась я и провела рукой по его лицу, он ее перехватил и легонько поцеловал мою ладонь.

–Сегодня я приду к тебе в бар, а когда ты вернешься я буду ждать тебя в твоей комнате.– Он переживал за меня, я это понимала, мне хотелось взбунтоваться, так как именно сегодня мы планировали выбраться в одно интересное место, которое нашел Нэйтон.

–Хорошо, – сдалась я, несмело произнося эти слова. Он нежно губами коснулся моих губ, оставив позади нарастающее тепло, и, с сумкой на плече, уверенно шагнул в сторо-

ну центрального стадиона. Я осталась на мосту, как статуя, углубленная в свои мысли, ещё несколько минут, наблюдая, как образ Нэйта медленно растворяется в воздухе, превращаясь в едва заметную точку вдали.

Теперь я была одна, погруженная в бурю раздумий, от которых не было спасения. «Что с тобой было, Лиса?» – шептала я себе, задыхаясь от этого вопроса. Ответа не приходило, но в глубине меня что-то тихо разгоралось, обжигая мысль за мыслью, не давая покоя.

Уперевшись на перила моста, я позволила легким капелькам от фонтана нежно скользить по моему лицу и рукам, словно каждый из них пытался смыть с меня неясную грусть. В голове царила пустота, но я всё равно прокручивала в памяти те чувства, что обожгли меня ранним утром. Напрягая свой мозг в поисках ответа, я пыталась составить гипотезу, но мысль за мыслью ускользали, оставляя лишь легкую досаду.

Перемещаясь в наш городской паб, я оставила свои терзания позади. До начала смены оставалось всего двадцать минут. Оскар, мой сменщик, уже ждал меня, вытирая барную стойку с аккуратностью, точно собирался прям сейчас делать на ней операцию. В зале было тихо; в дневное время посетителей редко бывает много, и лишь с наступлением позднего вечера начинается настоящая жара. В такие моменты у меня не было и минуты на отдых, но щедрые чаевые от своих постоянных клиентов за каждую порцию чуть-чуть крепче на-

литого коктейля были для меня небольшим утешением.

–Лиса, наконец – то! -Всплеснул руками Оскар. – Я уже заждался тебя.

–До моей смены еще десять минут, я даже не опоздала.– Кокетливо сказала я и наигранно похлопала глазками. Оскар закатил глаза, но улыбнулся.– Иди , я все доделаю. – Оскар тоже ходил на тренировки, вместе с Нэйтом, поэтому чаще брал дневные смены. Он чмокнул меня в шоку и схватив тренировочную сумку, быстро скрылся из вида. Я села на барный стул и оглядела паб, внутри он был весь из красного кирпича с большим количеством арочных окон , возле которых стояли деревянные столы и черные высокие стулья.

Барная стойка из такого же дерева, что и столы был длинным и широким, позади возвышались высокие стеллажи с большим количеством разнообразного алкоголя. Из окон бара, я могла наблюдать свой дом, видеть кто входит и заходит, иногда девочки звонили мне, что бы я подошла к окну, а сами выходили на балкон и махали мне, из – за высаженных вдоль Боолака тополей, я видела не четко, но всегда улыбалась когда они так делали.

Ближайшие несколько часов , я провела за расставлением бутылок в определенном порядке, ведомым только мне, поворачивая бутылки этикеткой к посетителям.

Гости стали прибывать и пошли заказы, среди стандартных мохито, маргариты, Лонг – Айленда, Джин – Тоника, возникали и заказы на мое усмотрение, тогда мой вечер иг-

рал новыми красками, мне нравилось смешивать и пробовать что -то новое, девушкам я старалась делать что -то более мягкое по типу коктейля «Белая леди», то с парнями было проще, чем больше алкоголя и меньше всего остального, тем лучше. \

После очередного шедевра авторского бара, я сделала себе безалкогольный Пина -Колада и уютно устроилась на стуле, опираясь на барную стойку. Я любила свою работу настолько на сколько можно было любить бессонные ночи и море алкоголя, но мне очень не доставало рисования, иногда аж руки горели и чесались, как сильно мне хотелось взять в руки карандаш, именно сейчас это и происходило со мной. Директора бара, Амри, не высокий лысоватый мужичек, который всегда приезжал на своём байке и носил кожанные куртки с джинсами, и обязательно футболка с какой – нибудь известной группой, был достаточно хорошо расположен ко мне, знал мою бабушку и периодически приезжал к нам с букетом для очередной пассии, не запрещал мне рисовать на работе, когда не было клиентов.

Достав альбом для набросков, который всегда лежит в моей сумки, я открыла чистую страницу и карандаш в моих руках стал сам выводить линии неизвестного мне строения. Я не могла вспомнить откуда же я его знаю и где могла видеть. Картинки в моей голове вырисовывали красивое здание со множеством лепнины, мое сознание захватило меня и я погрузилась полностью в рисунок, все что меня окружало боль-

ше не существовала, я находилась в мире линий и штрихов и больше была не подвластна самой себе. Рука лихорадочно скакала от одной линии к другой, я не успевала подумать, что же нарисовать дальше, но карандаш не останавливался, внутри меня начала нарастать паника от этого не контролируемого действия, пока меня не отвлек чей – то голос.

–Привет. – От напряжения грифель карандаша сломался и я вскинула голову на нового гостя. Передо мной был наш утренний заказчик Дэракар, он внимательно изучал мое лицо, на котором появились капли пота и даже не смотря в зеркало, я понимала, что мое лицо было раскрасневшимся. Я смотрела на него и в моей груди опять стал нарастать жар, в пабе стало невыносимо душно и мне перестало хватать воздуха, мое сердце заколотилось. Я видела как его глаза меняют выражение и теперь в них читалось не понимание и беспокойство. – Василиса…– Сказал он.

–Я сейчас вернусь, – тихо произнесла я, и, на трясущихся ногах, поспешила в подсобку, где пряталось многообещающее разнообразие спиртного. Подвал на минус первом этаже напоминал ледяную чаша, холодный кирпич словно впитывал все тепло из моего тела. Я приложила лоб к стене, стараясь успокоить неистовое сердце, которое едва не выскакивало из груди. Приступ ярости, заполнивший меня, заставил меня сжимать кулаки и глухо ударить в стену.

Сразу же я осознала свою глупость – волна боли пронеслась по телу, словно молния пронзила тьму. Головокружение

закружило меня, и я, прижавшись спиной к стене, медленно начала сползать на пол. Сердце продолжало бешено стучать, голова раскалывалась, и тошнота заполнила каждый клеточку моего существа. Я чувствовала себя так, как если бы босиком шагнула на ледяной снег зимой и мгновенно оказалась в жарком аду, где серые пламени сжигали мою плоть. Жажда разрывала горло, напоминая о том, что я на грани потери сознания. Ощущение было не из самых приятных, мне казалось, что я умираю и это были мои последние минуты в жгучей агонии.

Я пыталась позвать на помощь, однако моё тело, словно предавшее меня, отказывалось подчиняться. Страх окутывал разум, затуманивая ту единственную надежду, что меня кто – то здесь найдет и поможет. Я упала на пол, и если бы не мешок рядом, я бы разбила голову о каменные плиты. Время теряло своё значение, превращаясь в бесконечное ожидание, когда внезапно меня пронзила ослепительная вспышка.

На мгновение я будто покинула свое тело, и меня охватило странное ощущение, как будто я была в двух мирах одновременно. Я увидела бархатное кресло, напоминающее трон, и лицо человека, толкнувшего меня на пол. Я не чувствовала физической боли, но моральная тяжесть и страх сжимали сердце, как всемогущие тиски.

Он снова подошел ко мне, или же к ней, чьими глазами я

сейчас смотрела. Вдруг меня подхватили за волосы и швырнули на пол.. Этот удар! Он поднял на ноги за волосы из ее рта вырвался крик и держа за волосы он ударил пощечину и еще раз толкнул на пол. Девушка, видевшая себя в отражении, заметила разбитое лицо, ссадины по всему телу, слезы, сверкающие как бриллианты страха в глазах. Я осознала, что она была обнажена, и у неё вдруг нахлынули чувства стыда и унижения, смешанные с неимоверным страхом за свою жизнь. Она обняла себя, как будто это могло хоть немного скрыть её уязвимость.

В тот миг, когда потеря сознания была совсем близка, я слышала его грязные оскорбления – слова, как острые осколки стекла, резали беззащитную девушку. Даже если она и была доступной, её унижение не заслуживало такой жестокости. Он смеялся, его безумные глаза сверкали, как дьявольский огонь, и я поняла: он был убийцей, жаждущим крови и ужаса, тот, кто будет убивать её медленно, с наслаждением, подобно жадному хищнику.

Такое насилие и унижение разрывали любую надежду на спасение. Она умоляла его, обещая никогда никому не рассказать, но он, заворожённый своим безумным влечением, нависал над ней, как тень, полная мрака

Но физических пыток ему было мало, он хотел ее, хотел в самом грязном и ужасном смысле этого слова, его заводила ее боль и слезу, она умоляла его отпустить ее, обещала, что ничего никому не скажет, но нависнув над ней со своей

ужасной улыбкой, он вошёл в нее, чем – то холодно – металлическим и…

–Василиса, очнись! Василиса! – Крик выбил меня из этого состояния, меня трясло , все мое лицо было в слезах, но чьи – то теплые руки обнимали меня, отстранившись я увидела Дэракара.

–Где она? – Еле слышно спросила я.

–Кто? – Дэракар напрягся и пристально смотрел на меня.

–Девушка… где девушка… я ее видела , ей нужна помощь…– Шептала я как в бреду.

–Лиса…– Его голос стал очень мягким и спокойным , он взял моё лицо в свои ладони и пристально посмотрел в глаза, от этого взгляда по всему моему телу стало разливаться тепло, слезы мои высохли и все воспоминания о тех безумиях, которые я сейчас увидела , пропали. Мне стало хорошо, На лице заиграла улыбка.

– У тебя такие теплые руки… – эта фраза вырвалась с моих губ прежде, чем я успела её остановить. Волшебное чувство, переполнявшее меня, было настолько сильным, что я не могла его подавить. Рядом с ним, в этом маленьком пространстве, словно весь мир исчез. Всеобъемлющее спокойствие накрывало меня, как нежное одеяло, согревающее в холодную ночь. Мне хотелось раствориться в его руках, стать частью этого чудесного мгновения, чтобы оно никогда не заканчивалось.

Он наклонился ко мне так близко, что его теплое дыха-

ние коснулось моей кожи, и я ощутила, как все мои органы, словно стая встревоженных птиц, подпрыгнули к горлу, затем с оглушительным свистом упали вниз, как на американских горках. Я хотела, чтобы он меня поцеловал. Все внутри меня трепетало от желания, этого полнейшего и всепоглощающего желания его поцелуя. Я не понимала, что со мной происходит, но все чувства сливались в одно желание.

Когда наши губы уже были в миллиметре друг от друга, воздух вокруг нас наполнился волшебными нотами – я могла уловить запах его кожи, который таил в себе какие-то незнакомые эмоции, и чувствовала, как тепло его дыхания, словно мягкий ветерок, обнимает меня. И вот в этот самый момент раздался тихий кашель, прервавший это волшебство. Дэракар отпустил мое лицо, и вся эта идиллия ушла, как утренний туман перед восходом солнца. Всё вернулось на круги своя, и тот мир, который был создан всего лишь мгновение назад, рассыпался, оставив после себя лишь горькую ностальгию.

Всеобъемлющее тепло и спокойствие внезапно исчезли, как будто их никогда и не было. Вместо этого я почувствовала смущение и недоумение от собственного поведения. Что со мной случилось? Всю свою жизнь я знала лишь одного человека, которого искренне хотела поцеловать, с кем мечтала быть рядом – это был Нэйт. Больше никого не было в моем сердце, и когда мое лицо оказалось в ладонях этого незнакомца, который всего лишь несколько часов назад вошел в

мою жизнь, я не могла удержаться от смятения. Я была сбита с толку, мне никак не удавалось разобраться в своих чувствах. Почему я так странно повела себя? Это было непохоже на меня.

Тихий кашель доносился от владельца заведения Амри, он стоял в дверях, сложив руки на груди и недовольно смотрел на нас в весьма странной позе на полу, находясь категорически близко друг к другу.

–Лиса, тебя ждет Нэйтон. – Сказал он. – Тебя долго не было и я решил посмотреть не случилось ли чего, но теперь кажется вижу, что не случилось ничего такого о чем я должен волноваться. Или все же мне начинать волноваться, не разнесет ли Нэйтон здесь пол бара, когда узнает, чем вы собирались здесь заниматься? – Мои щеки вспыхнули от стыда, ведь я даже самой себе не могла объяснить, что здесь происходит, не говоря о том, что я должна это объяснить Амри и Нэйту. Я открыла рот, что бы сказать что -то в своё оправдание, но меня перебил этот загадочный парень.

–Прощу прощения, но то о чем вы подумали не имеет места быть. Я клиент ее бабушки и Василиса попросила меня помочь донести бутылки со склада, но к сожалению ей не здоровится с самого утра, когда я пришел к ним сделать заказ, она потеряла сознание, так же как и сейчас. Признаться честно, в моей жизни очень мало практики помощи девушкам потерявшим сознание, я пытался привезти ее в чувства и уже хотел взять ее на руки, что бы подняться с ней наверх ,

но в этот момент зашли вы. Прощу не приписывать к нам никаких лишних историй, я лишь хотел помочь. – Дэракар говорил так уверенна, что я даже сама поверила, что между нами не возникло ничего такого, что наши губы не стремились на встречу друг другу и что я сама все себе выдумала. А может быть это так и было? Может я сильно стукнулась головой и все остальное мне лишь привидилось от удара , а он просто пытался мне помочь, а я нафантазировала невесть что.

–Лиса – сказал Амри и теперь в его выражении чувствовалось беспокойство, он поверил Дэракару. – Я хочу что бы ты пошла домой, я тоже заметил, что последнее время ты выглядишь болезненно, даю тебе два дня отлежаться, сегодня я сам закончу смену , а завтра попрошу Оскара мне помочь. – Я хотела возразить, но Амри остановил меня рукой. – Не нужно со мной спорить, лучше сейчас отлежись два дня, чем потом ты выпадешь с работы на неделю или больше. А за свои сказанные слова, я прощу прощения, не хотел никого обидеть. – Эти слова Амри сказал глядя Дэракару в глаза, Дэракар лишь кивнул головой и улыбнулся.– Но прощу вас не задерживаться и подниматься. – После этих слов он развернулся и ушел.

–Я…мы… я хотела сказать … – Мои мысли путались, и я не знала, что сейчас хочу сказать, но понимала, что должна оправдаться за свое поведение с незнакомым практически мне парнем.

– Все в порядке, Василиса, ничего из ряда вон не произошло, я правда хотел лишь помочь. Прощу прощения, если где- то повел себя не корректно. – Он развернулся и направился в сторону двери.

– Подожди – Выкрикнула я. – Подождите вернее, я выйду первая. – Я снова посмотрела в его глаза, но на этот раз никаких американских горок внутри не почувствовала, он лишь понимающе кивнул и я вылетела как пуля из подсобки.

Нэйтон сидел ко мне спиной и потягивал из трубочки мохито и о чем -то разговаривал с Амри. По выражению лица владельца паба, разговор был не принужденный, Нэйт же о чем – то шутил и они вместе смеялись. Все напряжение внутри меня ушло. Я подошла к нему и закрыла глаза руками.

– Угадай кто? – Сказала я, руки на его лице , напомнили мне о том, что только что было в подсобке, но я как можно скорее прогнала от себя неловкие воспоминания.

–Лиса!– Сказал Нэйт и перехватив мои руки развернулся ко мне на барном стуле. Я вгляделась в его красивые глаза, смешные веснушки и внутри меня полетели бабочки. Я и так знала, что люблю его, но почему – то именно сейчас я хотела доказательств для самой себя.

–Меня прогнали на больничный. – Сказала я , претворски обиженным тоном и подошла к тому место где лежал мой альбом и сломанный карандаш, Нэйт снова прокрутился на стуле , что бы видеть меня. Не глядя на свой рисунок , я закрыла альбом и положила его в сумку.

–Ну, прогнали – это слишком громкое слово, я бы сказал, что попросили. – Улыбнувшись сказал Амри.

–Что – то случилось? – Нэйтон напрягся и внимательно смотрел то на меня, то на Амри. Под гнетом его взгляда, я снова не знала, что сказать и опустила глаза в сумку, будто бы что – то искала в ней. Краем глаза я заметила знакомую фигуру, которая вышла из подсобки и направилась к двери, моё сердце никак не отреагировало и я выдохнула. Неловкое молчание перебил Амри.

– Я заметил, что Лиса выглядеть болезненно и попросил ее немного отдохнуть, что бы потом не заболеть сильнее. – Я мысленно поблагодарила его за сказанное и за то, что он ничего не упоминал, про то , что видел в подсобке.

–Я понял вас, тогда я забираю Лису и внимательно проконтролирую ее отдых. – Нэйтон улыбнулся и притянул меня к себе.

–Все, голубки, идите, у меня полон паб посетителей, сегодня я вспомню что такое работа бармена. – Мы все засмеялись и остатки напряжения наконец полностью покинули меня.

Выйдя из паба я вдохнула вечерний воздух и словила себя на ощущении, что я рада уйти сейчас домой, на меня откуда ни возьмись напала усталость и глаза стали закрываться. Я так неожиданно почувствовала себя уставшей, что мне хотелось лечь прям на ступеньках и сладко уснуть. Посмотрев на экран телефона, я увидела, что еще нет и десяти часов, в та-

кое время меня редко клонит в сон, но сегодня с самого утра день был не такой как всегда.

Не спеша мы шли по мосту, смотрели на фонтаны, которые в темное время суток очень красиво подсвечивались разными цветами. Гирлянды светившиеся тёплым желтым цветом шли вдоль реки с двух сторон и уходили в даль превращаясь в маленькие точки, похожие на светлячков. Нэйтон нежно обнимал меня за талию и остановившись на середине моста, мы обнялись. Этот знакомый с детства запах, тепло его рук, я знала всем в нем, каждый сантиметр его души был для меня пропитан воспоминаниями и любовью. Уткнувшись к нему в грудь, мне захотелось плакать, я чувствовала, что должна рассказать ему обо всем, признаться во всем, что я сегодня сделала, но я боялась, я не хотела разрушать то доверие которое есть у нас.

–Лиса? – Он аккуратно отстранил меня от себя- Что с тобой сегодня? Ты сама не своя.

–А чья я ? – Игриво спросила я и улыбнулась.

– Моя. – он наклонился к моим губам и нежно поцеловал меня, я обвила его шею руками и мне захотелось провести так вечность.

Глава 5.

Дэракар.

Меня трясло от гулкого непонимания, от подавляющей беспомощности, охватывающей меня, как холодный ночной

туман. Я не должен был совершать даже половины тех поступков, что мне довелось осуществить. Запястья под браслетами горели, как прижигающие угли, напоминая о том, сколько усилий мне потребовалось, чтобы привести Василису в порядок. Но что же с ней произошло? Почему в моем присутствии с ней происходят такие ужасные вещи? Мысли блуждали в моей голове, словно потерянные души, не в силах собрать воедино ни одно, даже самое простое, изображение.

Дрожь пробивала все мое тело, словно шторма, мчащиеся по океанским волнам, охватывая каждый уголок моего существа. Запястья снова были пропитаны кровью, но я не замечал этого, не обращал внимания на боль, которая сливалась в унисон с тревогой. Камень в моей душе, тяжёлый и холодный, всё сильнее прижимал меня к земле, лишая сил и надежды.

Когда я вошёл в подсобку и увидел её, безжизненную, распростёртую на холодном полу, меня охватил ледяной ужас. Широко раскрывшие глаза, словно окна в бездну, смотрели куда-то в пустоту, и выражение страха на её лице – рот, открытый в немом крике, шокировало меня до глубины души. Все переживания, которые я когда-либо перенёс за своё жалкое существование, казались ничтожными на фоне этого. За столько лет я научился смиряться со своей беспомощностью, и, кажется, даже забыл, каково это – осознавать, что ты не можешь помочь другому человеку.

Её тело содрогалось от невидимого ужаса, и она снова напомнила мне Цису. Взгляд её мертвенно холодных глаз, угольно черных, был наполнен пустотой. То, что я увидел в её взгляде, заставило меня понять: все мое могущество, вся сила, которой я когда-либо обладал, внезапно перестала принадлежать мне. Я остался с пустотой в душе, ощутив, как ускользают от меня все те надежды, которые я сам же пытался создать.

Я быстро шел вдоль Боолака , как будто бы убегал от мыслей, которые стремительно меня нагоняли и чем быстрее был мой шаг, тем проворнее на меня накатывали все новые мысли. Задохнувшись от эмоций я остановился и снова, так же как и утром, оперся руками на перила. Слишком много эмоций за один день, они жгли, щекотали, ранили и пробивали стену, которую я воздвиг в своей голове, только эта стена отгораживала меня от воспоминаний, от эмоций, которые делали меня еще слабее.

Я пугал самого себя, сам загонял себя в яму из которой не выберусь ни я, ни все те кого потяну за собой. Я не имел права подставлять всех тех, кто держится из последних сил столько лет.

Что – то в Василисе манило меня, она заняла все мои мысли, рядом с ней я терял контроль над собой тем самым подставляя всех.

Нельзя…

Нельзя!

НЕЛЬЗЯ!

Собрав последние силы, я погрузился в свой коридор воспоминаний, открыл пустую дверь и целенаправленно отправил туда все что связано с ней. Я стоял в комнате, которая хранила так мало воспоминаний об этом человеке, но которая выводила меня из себя. Шар в который я поместил все о ней, так соблазнительно сиял и притягивал меня своей теплотой. Я потянулся к нему рукой и коснулся и как воздушный шарик к которому подносишь иголку , он лопнул и наполнил комнату ее голосом, ее глазами, ее запахом. Они были везде, куда бы я не повернулся, была она, я начал медленно отступать к двери и старательно пытался нащупать ручку, но как назло ее нигде не было. Обернувшись посмотреть, где же она, я снова увидел момент в подсобке, как я нежно обнимаю ее и как наши губы практически соприкоснулись. Внутри меня нарастал пожар, меня разрывало и жгло, злость поднималась с неимоверной силой и яростно разбив этот мираж воспоминаний, я смог выйти за дверь и с огромными усилиями закрыл ее.

Все

Пустота. Сердце билось спокойно и ровно. Маска равнодушия плотно легла на мое лицо и я вышел из своего коридора. Открыв глаза, я снова смотрел на фонтан, снова его легкие брызги попадали на мою кожу, но теперь мне было все равно. Я выпрямился. От моего тела шел легкий дым, вся моя кожа покраснела и ожоги приобрели ярко красные очер-

тания. Я сорвался и поплатился, регенерация займет какое – то время. Я чувствовал, как от моей спины и живота отходит обгоревшая кожа, но мне было не больно. Эмоции были под контролем. Во круг меня не было ни одного человека, но даже если бы кто -то проходил рядом, то не смог бы заметить, что языки пламени жгут меня изнутри, а снаружи я выгляжу как обычный человек, который засмотрелся на реку.

Теперь моя голова была пуста, как заброшенный холст, на который больше не ложится ни одна мысль, ни эмоция, словно они были заперты в тёмном чулане моего сознания. Я заставил себя привести в равновесие, чтобы не подвести всех тех, кто полагался на меня, и чтобы избежать лишних мучительных ожогов от наручников, оковавших мою свободу. Я, словно леденящийся во времени статуя, контролировал свои чувства, опасаясь, что любая искра страсти или тоски может разжечь пламя, которое будет сокрушительным.

Невольно мой взгляд упал на каменный мостик, на котором стояла парочка, погружаясь в свою собственную вселенную, чуждые реалиям окружающего мира. Девушка с нежностью обнимала своего спутника за шею, а он, в свою очередь, крепко обнимал её за талию, как будто эта связь могла защитить их от всех невзгод. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать, кто же стоит передо мной, и только затем, словно волна воспоминаний накрыла меня, я понял, что это Василиса и её молодой человек, с которым у меня не было времени познакомиться.

Они были так не принужденно увлечены друг другом, что в моем сердце невольно закралась нотка зависти. Эта зависть была странной, как тень, оставшаяся от давно забытого желания. Я любил Цису и мечтал о том, чтобы стоять на этом самом каменном мостике с ней, ощущая её тепло и жажду жизни, забывая обо всем, или же, наоборот, я хотел быть рядом с Василисой, разделить с ней этот светлый момент, заняв место этого молодого человека. Мысли моих чувств запутались в болезненных переплетениях, и я снова погрузился в свои размышления, не замечая, как пара влюблённых исчезла с моста, унося с собой частичку моего разочарования.

Когда я вновь осознал себя, я уже развернулся и направился обратно в пассаж, где тени накрывали пространство вокруг, предвещая долгую и тёмную ночь. Мы все ещё не знали, что ждёт впереди, но чувствовал, что этот день перевернёт привычные устои нашей обреченной жизни.

Желания идти пешком не было, слишком выматывающий был день, мне хотелось, что бы и ночь так же быстро закончилась и я мог запереться в своей конуре и пропасть во сне, хотя бы на несколько часов, оглядевшись по сторонам, я никого не увидел быстрым движением я перепрыгнул через невысокий забор и оказался рядом с тополями высаженными в боль реки. Положив руку на один из них, я почувствовал легкий импульс, дерево готово и согласно, что бы я воспользовался его энергией. Другую руку я направил в воздух рядом с собой и смог открыть портал, раньше мне не нужна была энергии

чего – то живого, что бы открыть портал, но с этими браслетами, приходилось изощряться. Из руки появились искры и круглый бледно – желтый портал открылся. Я мысленно поблагодарил дерево за помощь и шагнул в только что открывшийся портал, тянуть было нельзя, даже с чьей – то помощью, я бы не мог держать портал так долго открытым. Мне понадобилась секунда, что бы я снова погрузился в атмосферу уныния, темноты и влажного воздуха. Пассаж встретил меня могильной прохладой и сырым воздухом. Набрав полную грудь, я жестко ступал по земле и поднялся наверх, в главный зал.

Там полным ходом шли приготовления. Морок наложенный на здание, отделял его от людей. Статуя которая делила бывшую торговую галерею, на две равные части, была убрана, теперь по середине прям под стеклянным куполом красовался большой круг с звездой по середине, каждый луч был отмечен треугольником, обозначающий определенную стихию и лишь центральный луч, был обозначен кругом и соответствовал главной соединяющей стихией Духом, то что нельзя было увидеть просто так, то для чего сегодня эта бедная девушка отдаст свою жизнь, что бы произвести кратковременный эффект, но к сожалению ее душа не на столько сильна, что бы действительно соединить стихии и активировать этот круг.

Когда – то давно этот ритуал проходил на каждый праздник Колеса Года, только он не был такой жуткий и крово-

пролитный, место каждой стихии занимал один из моих братьев и сестер, в ком одна из стихий была главенствующей , а наши мать и отец символизировали общий дух соединение мужского и женского начала и при слиянии всех пяти стихий, круг активировался и мы вступали в следующую фазу жизни, прекрасную и процветающую. Активация этого круга была светлым праздником, но все изменилось, нашу веру, наши священные праздники опорочили, а нас , стоящих когда – то у истока, подчинили и унизили, заставили работать на себя.

«Они» люди не обладающие никакой силой, чьи поколении рождались и умирали на наших глазах, а мы все никчемно брели по своей бессмертной жизни и переходили из рук в руки потомкам этих мелочных, коварных и страшных людей.

«Они» каждый раз пытались активировать круг и заставить абсолютную и чистую силу служить им и возвернуть Темного, который исчез много столетий назад, что бы истребить людей и править своими кланами , «Золотой ярд» – именно столько должно остаться на земле, а все остальные лишь пешки в их игре , в том числе и мы. Я уверен, как только их план осуществится, нас сотрут с лица земли, а пока мы пытаемся выжить.

–Дэракар!– Это была Ингрид, в прозрачной белой рубашки надетой на голое тело, в одной руке у нее была бутылка кислого алкогольного напитка , а во второй бокал, она уже и так была изрядна пьяна и виляла из стороны в сторону. Ее

глаза светились от злости. – Где ты был? Уже почти одиннадцать, а я не наблюдала тебя в числе тех, кто здесь все готовил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.